

Одиссея (Гомер)
перевод А. Сальникова

16+

Гомер
Одиссея

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Гомер

Одиссея / Гомер — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Перед читателем новый перевод эпической поэмы Гомера «Одиссея» на современный русский язык, выполненный Александром Аркадьевичем Сальниковым в 2015 году. «Одиссея» повествует о странствиях Одиссея, героя Троянской войны. Для современного читателя поэма интересна тем, что в ней не только рассказывается о приключениях Одиссея, но и рассматриваются вечно актуальные вопросы о смысле жизни, о счастье и несчастье, о геройстве и трусости, о бедности и богатстве, о преданности и предательстве, о любви и ненависти. Обложка книги выполнена по дизайну Александра Сальникова. В дизайне обложки использована картина Огюста Лелуара «Гомер» (1841 года).

© Гомер, 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Одиссея. Гомер.

(Перевод А. А. Сальникова)

Песнь первая (Альфа).

Божественный гость

Мужа, о, муза, воспой! Многохитрого мужа, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трои;
Многих племён города видел он, их обычаи, нравы;
Много и бед претерпел на морях, много сердцем терзался,
[5] Жизни спасая друзей и свою, чтоб вернуться в отчизну.
Но всё равно не сберёт он товарищей, как ни старался.
Глупые, гибель они на себя навлекли святотатством:
Съели, безумцы, быков Гелиоса Гиперионида.
Дня возвращения домой навсегда их за это лишил он.
[10] Что-нибудь нам расскажи и об этом, о, Муза, дочь Зевса!
Все остальные смогли избежать злой гибели близкой;
Дома уж были они, одолевшие битвы и море.
Он лишь один тосковал по жене и отчизне далёкой:
В недрах пещеры его задержала богиня Калипсо,
[15] Нимфа прекрасная, чтоб убедить его стать ей супругом.
Даже когда наступил, по свершению лет круговратных,
Срок возвратиться домой, что ему предназначили боги,
То и в Итаке родной, среди родных и друзей, не сумел он
Многих тревог миновать. И тогда преисполнились боги
[20] Все состраданьем к нему. Лишь один Посейдон непрерывно
Гнал Одиссея, пока не достиг тот родимой отчизны.
Но к эфиопам тогда Посейдон отлучился. Те жили
В крайних пределах земли, разделённые: часть – где заходит
Гиперион, светобог, часть другая – где утром восходит.
[25] Там гекатомбу у них принял он из быков и баранов,
Сидя на пышном пиру, веселился. Другие же боги
Все в доме Зевса тогда на высоком Олимпе собрались.
С речью к бессмертным отец всех богов и людей обратился,
Так как на сердце его был Эгист знаменитый, который
[30] Был достославным убит Агамемнона сыном, Орестом.
Вспомнив о том, Зевс к богам обратился с такими словами:
«О, как же люди во всём обвиняют охотно бессмертных!
Зло всё от нас, говорят. Только сами они зачастую
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством,
[35] Так против рока Эгист на супруге Атрида женился,
Ну а его самого умертвил, как домой тот вернулся.
Рок свой жестокий он знал: был от нас к нему вестником послан
Аргоубийца Гермес, и сказал, чтобы он на убийство
Не посягал и не смел брать чужую жену себе в жёны:
[40] Ибо Орест отомстит за отца своего, за Атрида,
Лишь возмужает и в дом как наследник вернуться захочет.
Так весть благую Гермес передал, только сердце Эгиста
Этим не тронул. И тот заплатил своей жизнью за глупость».

Зевсу сказала на то светлоокая дева Афина:

[45] «О наш родитель Кронид и верховный владыка бессмертных!
Правда твоя, заслужил он подобную страшную гибель.
Пусть же и всякий другой, совершивший такое, погибнет!
Только сейчас сердцем я за судьбу Одиссея волнуюсь:
Терпит несчастный давно беды он вдалеке от родимых,
[50] Там, где пуп моря лежит среди волн, дивный остров лесистый,
Нимфа там властвует, дочь кознелюба Атланта, который
Знает все бездны пучин, все глубины на море, а сам он
Длинноогромных столбов подпирает громаду, что держат
Небо над твёрдой землёй, раздвигая их за горизонтом.
[55] Держит Атлантова дочь против воли скорбящего мужа,
Лестью и лаской его обольщает всё время, желая,
Чтобы Итаку свою он забыл навсегда. Одиссей же
Видеть мечтает хоть дым, от родных берегов издалёка,
После – готов умереть. Так неужто в тебе, Олимпиец,
[60] Сердце не дрогнет, узнав о судьбе столь печальной и горькой?
Может быть, не Одиссей чтит тебя возле Трои широкой
Жертвами у кораблей аргивян? Зевс, за что ж ты разгневан?»

Так ей на это сказал хмурый Зевс грозных туч собиратель:

«Дочь! Как такие слова за ограду зубов ты пустила?!
[65] Разве же мог позабыть я божественного Одиссея?
Он всех умней из людей и хитрей, и премного усерден
Жертвы богам приносить, беспредельного неба владыкам!
Но земледержец, мой брат Посейдон, с ним упорно враждует,
Гневом пылая за то, что циклоп Полифем богоравный
[70] Им ослеплен, среди всех из циклопов сильнейший; рождён он
Нимфой Фоосой; она ж – Форка дочь, что владеет всем морем.
В гроте глубоком зачат Полифем ею был с Посейдоном.
Смерти героя предать, Одиссея, нельзя Посейдону:
Рок не велит; но с тех пор Колебатель Земли его гонит
[75] Прочь от Итаки родной по пустынному морю скитаться.
Что же, давайте теперь хорошенько подумаем вместе,
Как ему дом возвратить. Посейдон должен гнев свой оставить:
Вряд ли он сможет один против всех небожителей спорить,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».

[80] Зевсу сказала на то светлоокая дева Афина:

«О, наш родитель Кронид и верховный владыка бессмертных!
Если угодно теперь всеблаженным богам, чтоб вернуться
Мог, наконец-то, домой Одиссей хитроумный, в отчизну, –
Вышлем Гермеса: пусть весть от тебя несёт аргоубийца
[85] К нимфе с прекрасной косой пышнокудрой, на остров Огигский;
Наш приговор возвестит: срок пришёл Одиссею вернуться
В землю родную свою, в испытаниях стойкому мужу.
Я же в Итаку помчу, чтобы там в Одиссеевом сыне
Гнев и отвагу сильней возбудить в его праведном сердце,

[90] Чтобы немедля созвал на совет кудреглавых ахейцев
И запретил в дом отца заходить женихам, что без счета
Скот поедает его: и овец и быков тихоходных.
После я в Спарту его отошлю, да и в Пилос песчаный:
Нет ли о милом отце там вестей, о его возвращении;
[95] Также, и в людях о нём пусть упрочится добрая слава».

Кончив, подошвы она привязала к ногам золотые,
Амброзиальные, те, что её над водой и землёю
Будто бы ветром несли, по велению лёгкой лишь мысли;
Вооружилась копьём, что увенчано острою медью,
[100] Твёрдоогромное, им сокрушала героев фаланги
В гневе могучая дочь беспредельно могучего бога.
Ринулась бурно она с белоснежных вершин олимпийских, –
Вот уж в Итаке стоит у ворот Одиссеева дома.
Так, с медноострым копьём, облеклась она гостем пришедшим,
[105] Ментеса образ приняв, что властителем был у тафийцев.
Там и увидела всех женихов, и чванливых, и буйных:
В кости игрою они наслаждались, рассевшись на кожах
Ими убитых быков, развалились у входа. А в доме
Бегали вестники их и проворные слуги, готовя
[110] Пир: в кубки воду с вином лили эти, а те, ноздреватой
Губкой омыв все столы, их сдвигали в один, много мяса
Разного резали и на столах расставляли для пира.

Первым из всех Телемах боговидный заметил богиню.
С сердцем скорбящим сидел он в кругу женихов и мечтал лишь:
[115] Вот его милый отец благородный, вернувшись в отчизну,
Хищников всех – женихов – разгоняет свирепо из дому,
Власть возвращает себе и царит с ещё большим почётом.
Так размышляя, сидел, но, увидев вошедшего гостя,
Быстро к воротам пошёл, от стыда негодуя, что, может,
[120] Долго уж странник стоять принужден, ожидая у входа.
За руку гостя он взял, подойдя, и копье его принял;
Голосом нежным к нему обратился с крылатою речью:
«Радуйся, странник! Войди! Ты у нас будешь принят радушно.
Сытно тебя угостим, а потом о себе ты расскажешь».

[125] Это сказав, он повёл за собою Палладу Афину.
После того как вошли они в дом превосходный высокий,
Гостя копье водрузил он у пышной колонны, в подставке
Гладкообтёсанной, там, где хранились, как в прежнее время,
Прочие копья царя Одиссея, столь стойкого в бедах.
[130] После богиню подвёл он к богатому дивному креслу,
Тканью узорной его застелил, чтобы села богиня;
Ближе подставку для ног ей придвинул. А сам разместился
Рядом на стуле резном. Они сели подальше от шума
Буйной толпы женихов, чтобы гостю обед не испортить,
[135] И чтоб его без помех расспросить об отце отдалённом.

Тотчас служанка кувшин золотой принесла и омыла
Руки им чистой водой из него над серебряным тазом;
Гладкий подставила стол. А почтенная ключница ловко
Хлеб разложила на стол и различных закусок к обеду,
[140] Кушаний вкусных для них принесла из запасов охотно.
Мяса раздатчик, подняв высоко, нёс мясные подносы
Прямо на стол, а затем кубки им золотые поставил.
Стал тут глашатай смотреть, чтоб вином кубки наполнились чаще.

Шумно вошли женихи горделивочванливые в залу;
[145] Сели они за столы по чинам: кто – на стуле, кто – в кресло;
Воду глашатаи им принесли, чтобы руки умыли;
Хлеба служанки, спеша, принесли им в плетёных корзинах;
Мальчики-слуги вина в кубки им до краёв наливали.
Жадные руки они к пище сытной скорей потянули.
[150] После, как вкусной едой и питьём голод свой утолили,
Новым желаньем зажглись их сердца: женихам захотелось
Песен и плясок, – они украшение всякого пира.
Тут же глашатай принёс им кифару искусной работы,
Фемию в руки вложил, принужденному петь по их просьбам.
[155] Струны ударил певец и красиво запел свою песню.

Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней наклоня, чтоб никто из других не услышал:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность.
Те веселятся; у них на уме лишь кифара да песни.
[160] Что им! Без платы они пожирают чужое богатство
Мужа, чьи кости уже, может, дождь проливной омывает
Где-нибудь на берегу, или волны по взморью катают.
Если б явился он вдруг перед ними в Итаке, они бы
Бога молили: уж пусть лучше ноги их будут быстрее,
[165] Чем всё их золото, что накопили, и все их одежды.
Только погиб он, судьбой злой постигнутый. Нет нам отрады.
Хоть и приходят порой нам от странников добрые вести,
Что он вернётся. Но нет! День возврата давно уже канул.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
[170] Кто ты? Родители кто? Из какого ты города будешь?
И на каком корабле прибыл ты? И какими путями
Вёл корабельщик корабль к нам в Итаку? Кто сам он, откуда?
Ведь не по суше пешком ты пришёл. Это знаю и сам я.
Также скажи ещё откровенно, чтоб истину знал я:
[175] В первый ли раз прибыл ты на Итаку, иль раньше бывал здесь
Гостем отца моего? В нашем доме в те дни иноземцев
Много гостило: отец мой известен был гостеприимством».

Так отвечала ему светлоокая дева Афина:
«Всё расскажу я тебе откровенно. Зовут меня Ментес,
[180] Царь Анхиал мой отец, его мудрость приносит мне гордость;
Я над тафийцами царь, мой народ любит вёсла и море.

Нынче с моими людьми я корабль свой привёл в ваши земли.
Мы тёмным морем идём к иноземцам; хочу я в Темесе
Меди добыть; на обмен мы железо блестящее взяли.
[185] Свой я причалил корабль под горою лесистой Нейона,
В гавани Ретре, она возле поля, от города дальше.
Издавна нас твой отец называл дорогими гостями.
Может, ты слышал о том от героя Лаэрта, от деда.
Ты расспроси у него. Говорят, он уж в город не ходит;
[190] В поле далёком живёт, удручённый своим тяжким горем.
Пищу готовит ему и живёт с ним старуха служанка;
Кормит, когда, истомив свои старые ноги, усталый,
День проходив по холмам виноградника, в дом он вернётся.
Прибыл я к вам потому, что сказали мне, будто отец твой
[195] Дома уже. Но видать, задержали в пути его боги.
Только пока ещё жив Одиссей благородный, поверь мне!
Где-нибудь, бездной морской окружённый, на острове заперт
Волнообъятом или, дикари его держат в неволе
Хищные, злые. И там он томится, надеясь вернуться.
[200] Но я тебе предскажу то, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, и что неминуемо сбудется, верю.
Сам я хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго теперь он в разлуке с любимой отчизной,
Хоть бы и скован он был даже цепью железной, – отыщет
[205] Способ вернуться домой: он за то хитроумным и прозван.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Верно ли вижу в тебе Одиссеева славного сына?
Очень похож на него головой ты и глаз красотой...
Помню его я, ведь мы раньше часто встречались друг с другом,
[210] В Трою когда он ещё не отплыл... да... туда устремились
Лучшие из аргиев на своих кораблях крутобоких...
С той же поры мы нигде с Одиссеем уже не встречались».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«Добрый мой гость! Если ты хочешь знать, – я скажу откровенно.
[215] Мать уверяет, что я ему сын, только сам я не знаю:
Можем ли точно мы знать, кто отец наш, чья кровь в наших венах?
Я бы желал, чтоб отец мой не был уж таким злополучным,
Чтоб во владеньях своих жил он мирно до старости поздней.
Но, если хочешь ты знать, то отец мой из ныне живущих
[220] Самый несчастливый муж; от него, говорят, и рождён я».

Так отвечала ему светлоокая дева Афина:
«Видно, угодно богам, чтобы в будущем был не без славы
Род твой, коль сына они Пенелопе такого послали.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
[225] Что здесь творится у вас? Для чего здесь собрание такое?
Свадьба ли, пир ли какой? Ведь не в складчину это разгулье?..
Только вот гости, гляжу, в вашем доме бесчинствуют нагло.
Всякий порядочный муж устыдится бы в обществе с ними,

Видя позорное их поведение в доме пристойном».

[230] Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«Добрый мой гость! Если ты хочешь знать, – я скажу откровенно.
Некогда полон богатств был наш дом, всеми был уважаем,
В те времена, как ещё здесь несчастный тот муж находился.
Только иначе потом порешили враждебные боги,
[235] Сделав пропавшим его, а судьбу его мраком покрыли.
Меньше страдал бы о нём я и сам, если б знал, что погиб он:
Если б в троянской земле среди друзей боевых пал он храбро;
Или уж после войны на руках у друзей умер дома.
Холм погребальный над ним возвели бы тогда всеахейцы,
[240] Сыну оставил бы он после смерти великую славу...
Нет же! Он просто пропал! Его Гарпии взяли бесславно.
Всеми забытый погиб он без гроба, оставив в наследство
Сыну лишь слёзы да скорбь. Но скорблю я не только об этом.
Боги послали ещё и другое мне горькое горе.
[245] Сколько здесь на островах знатных есть женихов, и богатых,
С Дулихия, с Зама, ещё и с Закинфа, покрытого лесом,
Также с Итаки родной каменистой, кто властен и знатен, –
В брак принуждают вступить мать мою, и наш дом богатство.
Мать же не хочет вступать в этот брак ненавистный, однако
[250] Средств не имеет спастись: ведь они пожирают нещадно
Наши остатки добра... и меня как наследника сгубят».

С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу теперь, как отец тебе нужен пропавший,
Чтобы он сильной рукой разогнал женихов столь бесстыжих.
[255] О, если б он у ворот вдруг теперь появился, вернувшись:
В шлеме своём, со щитом, и в руке – два копья медноострых!..
Так я увидел его в первый раз, когда в дом наш пришёл он;
После на шумном пиру, он вином и едой наслаждался.
К нам он от Ила пришёл Мермерида, из дальней Эфиры;
[260] На быстролётном своём корабле Одиссей туда плавал,
Чтобы смертельнейший яд отыскать, напоить этим ядом
Меткие стрелы свои, заострённые медью блестящей.
Яда не дал ему Ил, он разгневать богов опасался.
Ядом его наделил мой отец по великой с ним дружбе...
[265] Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Все кратковечны они сразу стали б, и свадьбы их – горьки!
Но то, что будет, лежит то пока у богов на коленях:
Мстить суждено ли ему, возвратившись домой, не известно.
Я предлагаю теперь вот над чем хорошенько подумать:
[270] Как бы тебе самому выгнать прочь женихов всех из дома.
Слушай же, что я скажу, и запомни, чтоб после исполнить:
Завтра, ахейский народ собери на собрание открыто,
И Расскажи всё, как есть, кличь богов как свидетелей правды.
После потребуй, чтоб все женихи по домам удалились.
[275] Матери ты предложи, если снова замужества хочет,

Пусть возвратится к отцу своему многосильному, в дом свой,
Чтоб оттуда её выдал замуж он снова, и дал ей
Много приданого, так, как прилично для дочери милой.
Что до тебя самого, – вот совет мой, надеюсь, исполнишь:
[280] Лучший корабль снаряди. Двадцать сильных гребцов взяв с собою,
В путь отправляйся, узнай о пропавшем отце. Может, где-то
Слухи услышишь о нём, или где прорицанье узнаешь,
То, что от Зевса, оно людям верные вести приносит.
Пилос сперва посети: что там скажет божественный Нестор.
[285] После уж в Спарту плыви к светлокудрому ты Менелаю,
Так как последним домой он вернулся с войны из ахейцев.
Если услышишь, что жив твой отец, что домой он вернётся,
Год дождайся его, терпеливо снося все обиды;
Если услышишь о том, что погиб он и нет уж надежды, –
[290] В милую землю вернись ты тогда, в дом отцовский, не медли.
Холм ты могильный ему возведи, честь воздав; и отпразднуй
Пир поминальный по нём. А затем выдай мать свою замуж.
После, как всё это ты надлежащим порядком устроишь, –
Крепко подумай, найди хитроумное верное средство,
[295] Чтобы тебе женихов, отчий дом твой заполнивших нагло,
В нём же самом погубить: явной силой ли, хитрым обманом.
Быть уж ребёнком нельзя, ты из детского возраста вышел!
Слышал, как славный Орест благородный покрыл себя славой?
Честь защищая, убил он Эгиста, которым так подлю
[300] Был достославный отец умерщвлен его ради корысти.
Так же и ты, милый друг, – ты уж крепок, высок и прекрасен, –
Должно быть смелым теперь, чтобы имя в потомках прославить...
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой.
Спутники, что меня ждут, в нетерпении, верно, уж злятся.
[305] Ты же теперь о себе позаботься, совет мой обдумав».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«Добрый мой гость! Ты меня как отец наставляешь, для пользы.
Нет, не забуду теперь я твоих благосклонных советов.
Но подожди же ещё! Пусть и в путь ты торопишься, всё же
[310] В нашей купальне, прошу, улади прежде тело и душу.
С радостным сердцем потом унесёшь на корабль мой подарок
Дивный, богатый. Его поднесу я на добрую память.
Есть ведь обычай: дарить, расставаясь, на память подарки».

Так отвечала ему светлоокая дева Афина:
[315] «Нет, ты уж больше меня не держи: тороплюсь я в дорогу!
Ну а подарок, что мне поднести захотел ты сердечно,
Я на обратном пути, к вам заехав, приму благодарно,
Чтобы в свой дом увезти. И достойным подарком отвечу».

Это сказав, быстро тут светлоокая скрылась Афина,
[320] Будто бы птицею ввысь унеслась сквозь отверстие крыши.
Но поселила она в его сердце и твёрдость и смелость,

Память его об отце оживив с новой силой. И тут он
Затрепетал всей душой, угадав, что беседовал с богом.
Тотчас тогда к женихам подошёл он, божественный видом.

[325] Пел перед ними певец знаменитый. С глубоким вниманьем
Слушали песню его о печальном возврате из Трои
Храбрых ахейян: то им присудила Паллада Афина.

В верхнем покое своём вдохновенное пенье услышав,
Вниз Пенелопа сошла по ступеням высоким, поспешно,
[330] Старца Икария дочь многоумная. С нею спустились
Две из служанок её. Вот она, – среди женщин богиня, –
В залу неслышно вошла, где её женихи пировали,
И у колонны одной, свод державшей, тихонечко встала.
Справа и слева её две служанки почтительно встали.
[335] Щёки прикрыла она головною накидкой блестящей
И, со слезами, к певцу, что божественно пел, обратилась:
«Фемий! Известно тебе много песен, что радуют душу,
В них прославляют певцы и богов, и героев великих.
Спой же из них ты одну для собравшихся; будут в молчаньи
[340] Слушать все гости её за вином. Но прерви ту, что начал
Песню печальную ты: замирает в груди моей сердце,
Если я слышу ее. Ведь всех горше мне горе досталось:
Я о любимом скорблю до сих пор и его вспоминаю,
Мужа, что славой своей покори́л и Элладу, и Аргос».

[345] Матери так возразил, рассудительный сын Одиссея:
«Милая мать, как же ты запретишь петь певцу? Ведь поёт он
Нам в удовольствие то, что в его пробуждается сердце.
В том не певец виноват, а лишь Зевс, посылающий свыше
Людям духовным и мысль и по воле своей вдохновенье.
[350] Значит, сердиться нельзя, что поёт он об участии горькой.
Люди охотнее ту хвалят песню, которую слушать
Снова и снова хотят, восхищаясь, как будто бы новой.
Мужеством сердце и дух ты наполни, заставь себя слушать.
Разве лишь царь Одиссей был лишён дня возврата из Трои?
[355] Множество также других знаменитых героев погибло.
Лучше иди и займись, как тебе подобает, хозяйством,
Прялкой и ткацким станком; наблюдай за работой служанок,
Чтоб не ленились они. Ну а речи – не женское дело.
Речи – для мужа! Теперь – для меня: ныне – я глава дома».

[360] Тут изумилась она и обратно уйти поспешила.
Сердце её поразил сын своей рассудительной речью.
В верхнем покое своём со своими служанками вместе
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладостным сном веки ей не покрыла богиня Афина.

[365] А женихи между тем в потемневшем уж зале шумели

Споря о том, кто из них с Пенелопею ложе разделит.
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:
«Слушайте вы, женихи моей матери, гордые люди!
Станем спокойно теперь веселиться. Спор шумный прервите!
[370] Молча прилично внимать пенью дивному мужа, который,
Голосом слух наш пленит, он в искусстве своём равен богу.
Завтра же утром вас всех призываю собраться на площадь.
Там принародно скажу вам в лицо, чтоб покинули дом мой
Незамедлительно все! О пирах своих сами заботьтесь,
[375] Тратя не наше, – своё, чередуясь своими домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять безвозмездно и нагло, что ж, – жрите!
Я же тогда призову вечносущих богов мне на помощь;
Может быть, Зевс вас тогда покарает, дела ваши видя:
[380] Смерть вам без платы пошлёт в доме, нагло разграбленном вами!»

Так он сказал. Женихи, закусили с досадою губы.
Всех Телемаха слова поразили, и всех изумили.
Но, возражая ему, так сказал Антиной, сын Евпейта:
«Видно, тебя, Телемах, сами боги теперь наущают
[385] Так себя смело вести; нам бросать эти дерзкие речи!
Горе нам, если Кронид тебя в волнообъятой Итаке
Нашим поставит царём; по рожденью имеешь ты право!»

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«Ты, Антиной, на меня не сердись, но скажу тебе вот что:
[390] Если бы царскую власть дал мне Зевс, я охотно бы принял.
Может быть, думаешь ты: доля царская – худшая доля?
Нет же! Не плохо совсем быть царём: и богатство скорее
Копится в доме царя; и он сам почитаем в народе.
Но среди знатных людей много в волнообъятой Итаке
[395] Можно достойных найти молодых или старых, которым
Власть бы могла перейти, раз не стало царя Одиссея.
Только вот в доме своём я один господин! Мне и править!
Власть над рабами держать, Одиссеем добытыми в битвах».

Тут сын Полиба ему, Евримах, так ответил на это:
[400] «О, Телемах, как нам знать? То лежит у богов на коленях:
Кто из ахейцев царём будет в волнообъятой Итаке.
В доме своём ты один господин, ты хозяин всего здесь.
И не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто дерзнёт на твоё посягать достоянье.
[405] Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Кто он? Как имя его? Землю чью он отчизной считает?
Рода какого он сам? От какого он прибыл народа?
Может быть, с вестью к тебе о возврате отца приходил он?
Или он прибыл сюда по другому какому-то делу?
[410] Слишком он быстро исчез, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились. Он с виду явно высокого рода».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«Нет, Евримах, навсегда день возврата отца был утрачен.
Я уж не верю давно ни молве о его возвращении,
[415] Ни предсказаниям пустым от гадателей разных, к которым
Мать прибегает моя, зазывая их в дом наш не редко...
Гость мой был гостем отца. Он из Тафоса родом. А сам он
Сын Анхиала, царя многомудрого. Звать его Ментес,
Он над тафийцами царь; их народ любит вёсла и море».

[420] Так говоря, Телемах сердцем верил, что видел богиню.
Те же, опять предались шумным пляскам и сладкому пенью,
Увеселяли себя, как могли, в ожидании ночи.
Вскоре и чёрная ночь наступила, прервав их веселье,
Спать захотев, женихи разошлись по домам отсыпаться.
[425] Всех проводив, Телемах шёл к себе через двор свой прекрасный,
В спальный высокий покой, защищённый и с видом широким.
В мысли он был погружён в ту минуту, он думал о многом.
Факел зажжённый неся, няня шла перед ним, Еврикля,
Опса разумная дочь, Певсенорида. В давнее время
[430] Юной её приобрёл сам Лаэрт, заплатив за рабыню
Двадцать волов. Но её с благонравной своею супругой
Он уважал наравне, потому и себе не позволил
Ложа коснуться её, чтобы ревности женской не вызвать...
Так она с факелом шла. Из невольниц она всех усердней
[435] С детства ходила за ним, как кормилица, нежно любила.
Двери открыла она у богатоискуснейшей спальни.
Сел на постель он и снял свой красивый хитон тонкой ткани;
Бросил небрежно его он старухе заботливой в руки.
Та же, расправив хитон аккуратно, повесила чинно
[440] Возле кровати резной на искусную вешалку-плечи;
Тихо из спальни ушла; дверь с серебряной ручкой закрыла;
Крепко задвижку ремнём затянула и прочь удалилась.
Он же в постели всю ночь, одеялом укрывшись овечьим,
В мыслях обдумывал путь, что ему указала Афина.

Песнь вторая (Бета).

Собрание, спор и отъезд

Рано рождённая, вновь свет зажгла розопёрстая Эос.
Ложе покинул своё и возлюбленный сын Одиссея.
Быстро оделся; свой меч острый через плечо он повесил;
К белым стопам привязал он сандалии дивной работы;
[5] Вышел из спальни своей, лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых призвал он глашатаев и повелел им
Кликать на площадь народ, собрать кудреглавых ахейцев.
Те стали кликать народ; площадь быстро толпою густела.
После, как все собрались, переполнив широкую площадь,
[10] Вышел к народу он сам, с медноострым копьём длиннотенным.

Шёл не один он, за ним две свирепых собаки бежали.
Весь его вид красотой неземной озарила Афина,
Так что дивился народ, на идущего юношу глядя.
Старцы на место отца усадили его, расступившись.

[15] Первым тогда слово взял благороднейший старец Египтий,
Годы согнули его, даровав опыт жизни огромный.
Сын же любимый его, что когда-то отплыл с Одиссеем
На глуботрюмных судах к Илиону, что славен конями, –
Сын Антифонт был убит, копьеборец, в пещере Циклопом
[20] И послужил для него он последней едою на ужин.
Трое других сыновей были дома: один – с женихами
Буйствовал, сын Еврином; двое – в поле отцу помогали.
Но о погибшем не мог он забыть: всё оплакивал горько,
Всё сокрушался о нём. И народу сказал со слезами:
[25] «Слушайте, что я скажу перед вами сейчас, итакийцы!
С тех самых пор, как отплыл Одиссей на судах глуботрюмных,
Мы не сходились ещё на всеобщий совет здесь ни разу.
Кто же собрал нас теперь? Кто почувствовал надобность в этом?
Юноша он, может быть? Или зрелый годами мужчина?
[30] Может быть, слышал он весть, что идёт неприятеля сила,
Хочет нас предостеречь он о том, наперед всё разведав?
Или о пользе другой для народа сказать он намерен?
Мудрым он кажется мне, и совет его, верно, полезен.
Зевс да поможет ему, если доброе дело задумал!»

[35] Так он сказал. Телемах ободрён был его добрым словом:
Сразу подняться и речь обратить он к собранью решил.
Встал он и вышел вперёд. Тут же скипетр вложил ему в руку
Вестник его Певсенеор, что всегда был разумен в советах.
К старцу сначала тогда Телемах обратился; сказал он:
[40] «О, мудрый старец! Тот муж, что собрание собрал, – недалёко.
Вот я, пред вами, – гляди. И великая скорбь меня гложет.
Нет, я не слышал о том, что идёт неприятеля сила;
И не разведывал то наперёд, чтобы вам сообщить здесь.
Также о пользе другой для народа сказать не намерен.
[45] Речь обо мне и о том, что на дом мой обрушились беды.
Две их: одна – мной отец благородный пропал безвозвратно.
Был он и вам как отец, вас любивший, когда был царём здесь.
Ну а вторая беда тяжелее того – угрожает
Мне разореньем она, весь мой дом от неё истребится:
[50] Яро преследуют мать против воли её неотступно
Граждан знатнейших сыны, женихами в наш дом они ходят.
Прямо к отцу её в дом обратиться, к Икарию старцу,
Смелости нету у них. Пусть бы сам он со щедрым приданым
Выдал её за того, кто из них ему будет приятней.
[55] Нет же! Приятнее им ежедневно толпой к нам являться,
Резать у нас и быков, и козлов, и баранов без счета,
Шумно все дни пировать, истребляя вино дорогое.

Дом разоряется наш. Нет сегодня в нём мужа такого,
Как Одиссей, чтобы мог от проклятия дом наш избавить.
[60] Сами ж беспомощны мы. И, наверное, в будущем тоже
Жалости будем одной мы достойны, лишившись защиты.
Если б я силу имел, – сам бы стал я для дома оплотом!
Но нестерпимы уже стали беды для нашего дома:
Гибнет он, грабят его. Вас самих не тревожит ли совесть?
[65] Так устыдитесь тогда пред народами, что по соседству
Нас окружают! Или хоть побойтесь богов, чтобы в гнев
Не покарала они за дела недостойные эти.
Я же взываю теперь к олимпийскому Зевсу; к Фемиде,
Что учреждает суды средь народа и их завершает!
[70] Ну так признайте ж, друзья, моё право! И дайте мне в горе
Дома побыть одному. Или, может, родитель мой славный
Некогда чем-нибудь здесь оскорбил меднолатных ахейян?
Может, умышленно вы мстите мне за своё оскорбление,
Дом наш теперь разорять поощряя? Уж было бы лучше,
[75] Чтобы вы разом и скот, и запасы все наши пожрали:
Вот уж тогда бы скорей совершилось и ваше возмездье.
Мы бы ходили тогда по домам городским, умоляя
Наше обратно отдать: так, пока бы вы всё не вернули...
Вы же мне сердце теперь безнадёжным терзаете горем!»

[80] Так он во гнев сказал и повергнул свой скипетр на землю.
Хлынули слёзы из глаз. Сострадание вызвал в сердцах он.
Молча сидели вокруг, неподвижно; никто не решился
Дерзостным словом своим на слова Телемаха ответить.

Только один Антиной тут поднялся и гневно воскликнул:
[85] «Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый!?
Нас оскорбляешь! Ещё и вину возложить на нас хочешь?
Нет, обвиняй ты не нас, женихов, пред ахейским народом!
Милую мать ты свою обвинять хитроумную должен!
Вот уж три года прошло, наступил и четвертый с тех пор, как
[90] Всех нас морочит она, лишь играя на душах ахейцев!
Кормит надеждой пустой, обещается каждому порознь,
Вести всё добрые шлёт, замышляя недоброе в сердце.
Кроме того, против нас и другую придумала хитрость:
Ткацкий огромный станок разместила в покоях с широкой
[95] Тонкою тканью большой и, собрав нас затем, объявила:
"Вот что, мои женихи! Раз погиб Одиссей благородный, –
Свадьбу бы нужно пока отложить до поры, как закончу
Савана ткань эту ткать, чтобы пряжа зазря не пропала.
Старцу Лаэрту покров гробовой я хочу приготовить
[100] Прежде, чем он попадёт в руки всеусыпляющей смерти:
Дабы не смели потом укорить меня жены ахейцев,
Что без покрова лежит тот, кто сам приобрёл очень много".
Так нам сказала она. Мы, поверив ей, все покорились.
Что же на деле? Ткала целый день она ткань ту большую,

[105] Ночью ж, при факелах, вновь распускала, что сделала за день!
Длился три года обман, все три года мы ей доверяли.
Но на четвёртый уж год круговратный, как время настало,
Всё нам служанка одна, тайну знавшая эту, открыла.
Тут мы застали её сами за распусканием ткани.
[110] Так поневоле пришлось ей работу свою всё ж закончить.
Ты же теперь, Телемах, так же нас, женихов, здесь послушай,
Чтобы и сам ты всё знал, и с тобой – остальные ахейцы!
Мать ты к отцу её в дом отошли, но вели, чтобы замуж
Шла за того среди нас, кто отцу и самой ей приятен!
[115] Если же скверно шутить снова станет с сынами ахеян,
Вздумает нас раздражать, гордо тешась дарами Афины:
Хитростью, острым умом, помогающим в разных искусствах,
В чём преуспела она... да, смекалки такой и у древних
Жён не встречали ещё, у ахейских прекраснокудрявых,
[120] Будь то Алкмена, Тирб, иль Микена в венце своём дивном.
Им бы и в ум не пришло, что придумать смогла Пенелопа
Нам же во вред. Но теперь ей уж хитрость её не поможет!
Знай, до тех пор разорять будем дом твой, запасы съедая,
В мыслях покуда она будет так же упорна, как прежде!
[125] Боги ей мысли её, может, в сердце вложили, и этим
Славу она обретёт превеликую. Ты ж – разоришься!
Мы никуда не уйдём, будем делать, что делали прежде,
Мужа покуда она из ахейцев не выберет сердцем».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:

[130] «О Антиной, не дерзну я из дому услать против воли
Ту, что меня родила и вскормила! Отец мой – далёко;
Жив он, погиб ли, – как знать? Но Икарлию за оскорбленье
Долго я буду платить, если сам к нему мать я отправлю.
Если ж вернётся отец – то и гневу отца я подвергнусь.
[135] Также – и гневу богов, если мать проклянёт меня в гнев,
Дом покидая родной. А в народе – мне стыд будет вечный!
Так что подобного я ничего никогда не скажу ей!
Если же это у вас только гнев вызывает, тогда уж
Лучше покиньте мой дом! И иные пиры учреждайте,
[140] Тратя не наше – своё, чередуясь своими домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять безвозмездно и нагло, что ж, – жрите!
Я же тогда призову вечносущих богов мне на помощь;
Может быть, Зевс вас тогда покарает, дела ваши видя:
[145] Смерть вам без платы пошлёт в доме, нагло разграбленном вами!»

Только сказал Телемах, как гремющий громами Кронион
Свыше к нему ниспослал двух орлов с горной скальной вершины.
Оба сначала они, будто ветром несомые, мирно
Рядом парили, раскрыв широко преогромные крылья.
[150] Но подлетели когда, оказавшись над шумным собранием,
Крыльями стали махать и кружить над собравшимся людом.

Грозно глядели они на людей: страх глаза их внушали.
Вдруг сами в схватке сошлись. Исцарапав когтями друг друга,
Вправо умчались они, над домами паря городскими.
[155] Все изумились. Так, птиц провожая встревоженным взглядом,
Каждый гадал: что б могло предвещать им явление это.

Слово тут взял Алиферс, знаменитый и опытный старец,
Мастора сын. Он один среди сверстников всех по полету
Птиц мог искусно гадать и пророчил грядущее верно.
[160] Вот, полон мыслей благих, обратил он к собранию слово:
«Слушайте, что я скажу вам сейчас, итакийцы! Внимайте!
Прежде всего, к женихам обращусь, дабы их образумить.
Горе несётся на них неизбежное! Так как недолго
Будет в разлуке теперь Одиссей со своими родными.
[165] Где-то он близко уже. Злую гибель для них он готовит.
Горе и многим из нас, на гористой Итаке живущим,
Он принесёт. Потому поразмыслим-ка лучше сейчас мы
Как женихов обуздать поскорей. Было б лучше, когда бы
Сами смирились они. Это было бы им же полезней.
[170] Нет, не безопытный я предсказатель, и дело я знаю!
Всё ведь сбылось, что давно предсказал я царю Одиссею,
В то ещё время, когда в кораблях к Илиону отплыли
Войском аргивцы; отплыл с ними и Одиссей хитроумный.
Много он вынесет бед, потеряет товарищей многих;
[175] Всеми неузнанный он на двадцатом году лишь вернётся!
Так предсказал я тогда. Предсказанье сбывается ныне».

Тут сын Полиба ему, Евримах, возразил. Так сказал он:
«Старец, ты лучше домой возвратись! Там пророчествуй детям
Малым своим, чтобы им вдруг беды бы какой не случилось!
[180] Я ещё лучше тебя напророчить могу в этом же деле!
Мало ли видим мы птиц, что летят под сверкающим солнцем,
Только не все ведь они предвещают судьбу! Одиссей же
В крае далёком погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе!
Ты бы тогда прекратил здесь свои предсказания пустые,
[185] Да перестал гнев питать в Телемахе, и так раздражённом!
Думаешь, он тебе даст за услугу богатый подарок?
Слушай же, что я скажу, – все слова мои сбудутся точно!
Если и впредь будешь ты со своим многоопытным знаньем
В юноше гнев возбуждать против нас болтовнею своею,
[190] То это, прежде всего, для него же бедой обернётся;
Так как один против нас ничего он поделать не сможет.
Ты же за это, старик, уж поверь, очень тяжко заплатишь:
Сердце заставим твоё очень горько о том сокрушаться!
А Телемаху скажу здесь при всех, пусть он примет совет мой:
[195] Матери пусть повелит он к отцу её в дом возвратиться;
Где тот пусть к свадьбе её подготовит с богатым приданым:
Дочери милой пусть даст, – сколько сану её подобает.
Ну а иначе все мы, женихи, сыны знатных ахейян,

Будем и впредь докучать сватовством! И никто нам не страшен!
[200] Ни Телемах, сколько б он многословных речей здесь ни сыпал;
Ни те пророчества, что изрекала здесь дряхлая старость!
Ими, старик, лишь вражду ты к себе в нас сильней возбуждаешь!
Будем и впредь разорять мы чужое добро безвозмездно
И до тех пор, пока нам не предъявят согласие на свадьбу!
[205] Сколько уж времени мы каждый день ожидаем ответа:
Кто будет ею средь нас предпочтён! Из-за этой задержки
Медлим, не ищем других мы невест. А ведь время проходит».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«О Евримах, и вы все, женихи, сыны знатных ахейян,
[210] Больше уж вас убеждать не хочу я, и спорить не стану!
Боги всё знают и так! И ахейцы всё знают прекрасно!
Я лишь прошу мне корабль снарядить, и пусть опытных двадцать
Будут со мною гребцов, чтобы в плаванье мог я пуститься.
Пилос песчаный хочу посетить я, и гордую Спарту,
[215] Чтобы узнать, нет ли там о пропавшем отце моём слухов;
Может, какую молву, или где прорицанье услышу
То, что от Зевса, оно людям верные вести приносит.

Если услышу, что жив твой отец, что домой он вернётся,
Год буду ждать я его, терпеливо снося все обиды;
[220] Если услышу о том, что погиб он и нет уж надежды, –
В милую землю вернусь я тогда, в дом отцовский, немедля.
Холм я могильный ему возведу, честь воздав, справлю должный
Пир поминальный по нём. А затем выдам мать свою замуж».

Так он сказал и умолк, сев на место. Тогда встал для слова
[225] Ментор герой, другом был безупречному он Одиссею.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом для охраны,
Старцу Лаэрту велел быть помощником, дому ж – плотом.
Вот, полон мыслей благих, обратил он к собранию слово:
«Слушайте, что я скажу вам сейчас, итакийцы! Внимайте!
[230] Благим и кротким с людьми, и приветливым, быть уж не должен
Царь скиптроносный теперь! Но, убив в себе правду и совесть,
Пусть притесняет народ каждый царь, незаконно и смело!..
Раз уж забыть вы смогли Одиссея! Не он ли был нашим
Добрый и честным царём, был народу отцом благодушным?!
[235] Нет мне нужды обвинять женихов необузданно дерзких
В том, что в безумстве своём все они только зло совершают.
Сами рискуют они головами, когда разоряют
Дом Одиссея, решив, будто он уж домой не вернётся.
Вас же, собравшихся здесь честных граждан, хочу пристыдить я!
[240] Молча сидите вы все и не скажете против ни слова
Малой толпе женихов, хоть самих вас значительно больше!»

Тут Евенорид ему Леокрит возразил, грозно крикнув:
«Ментор, ты что говоришь, злой безумец!? Склоняешь сограждан,

Чтоб нас смирили они!? Но и силой большой было б трудно
[245] Всех нас смирить, чтобы мы от бесплатных пиров отказались.
Даже и сам Одиссей, царь Итаки, когда бы вернулся
И захотел нас изгнать, женихов благородных и знатных,
В доме просторном его столько лет за пирами сидящих, –
Было б не на радость тогда возвращенье его для супруги,
[250] Долго скучавшей по нём! Злая погибель его бы постигла,
Если б один против нас он пошёл! Так что вздор говоришь ты.
Все разойдитесь теперь! Каждый пусть своим делом займётся!
Этого ж в путь снарядят Ментор пусть с Алиферсом, раз оба
Верность отцу его всё сохраняют, как добрые друзья.
[255] Долго, я думаю, здесь просидит он, однако, в Итаке,
Вести ища об отце. В путь ему никогда не собратся!»
Так он сказал, распустив самовольно собрание народа.

Быстро с собрания тогда разошлись по домам все ахейцы.
А женихи в дом царя Одиссея опять возвратились.

[260] Вот одиноко ушёл Телемах на песчаное взморье;
Руки седую водой он омыл и взмолился Афине:
«Ты, посетившая дом мой вчера; ты, что мне повелела
В море туманное плыть в корабле, чтобы, странствуя, мог я
Слухи о милом отце отыскать, о его возвращении;
[265] Где ты? Приди, помоги! В путь мешают уплыть мне ахейцы;
Больше других – женихи многосильные, полные злобы».

Так говорил он, молясь. Перед ним вдруг явилась Афина
Ментора образ приняв, стала схожа с ним видом и речью.
С речью крылатой к нему обратившись, богиня сказала:
[270] «Также и впредь, Телемах, ты не будь неразумен и робок,
Так как в тебе кровь отца, его доблесть живёт в твоём сердце,
Сила, с какой он всего добивался и словом, и делом, –
Цели достигнешь тогда и свой пусть одолеешь на славу!
Если ж не сын ты прямой Одиссея царя с Пенелопой,
[275] То не надейся, что ты завершишь своё дело успешно.
Редко бывает, чтоб сын по заслугам отцу был подобен;
Чаще он хуже отца. Очень редко бывает, чтоб – лучше.
Если не будешь ты впредь, Телемах, неразумен и робок,
И не совсем ты лишён Одиссеевой силы великой, –
[280] То есть надежда тебе совершишь своё дело успешно.
Пусть же опять женихи зло тебе замышляют, – оставь их.
Горе безумцам! Они в слепоте своей, правды не знают,
Смерти не чувствуют своей: в чёрном облике ближе и ближе
К ним подступает она ежедневно, чтоб всех погубить их.
[285] В путь же намеченный твой ты уж скоро отправиться сможешь.
Друг я тебе по отцу твоему, и поэтому нынче ж добуду
Быстрый корабль для тебя, и с тобою я сам в путь отправлюсь.
Ну а пока возвратись к женихам. Пусть тебе на дорогу
Дома припасов съестных заготовят побольше в сосудах;

[290] В амфоры пусть нам вина нацедят; а в мешки же из кожи
Жёлтой ячменной муки наберут, что полезна для мозга.
Я добровольцев в гребцы подыщу пока. А кораблей же
Старых и новых полно в омываемой морем Итаке.
Лучший из них подберу лично сам я; и быстро его мы
[295] В путь подготовим; затем вместе выйдем в широкое море».
Так говорила ему светлоокая дева Афина.

Голос услышав её, Телемах тут же берег покинул.
С сердцем печальным пришёл он домой. Там застал, как и прежде,
Всех женихов: вот одни в зале пиршеств с коз шкуры сдирали,
[300] Ну а другие свиней на дворе, заколов их, палили.

С колкой усмешкой к нему подошёл Антиной, улыбаясь,
За руку юношу взял, его имя назвав; так сказал он:
«О Телемах! Вспыльчив ты, и в речах своих злых многословен!
Брось ты заботу о том, чтоб вредить нам и словом, и делом!
[305] Лучше как друг с нами сядь, пей и ешь без забот, как бывало.
Волю исполнить твою не замедлят ахейцы, – получишь
И быстролётный корабль, и отборных гребцов! И помчишься
В Пилос священный, чтоб там разузнать об отце своём славном».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
[310] «Нет, Антиной, не могу, неприлично мне с наглыми вами
Вместе сидеть за столом, пить и есть, веселясь беззаботно.
Будьте довольны уж тем, что покуда я был малолетним,
Вы, женихи, на пиры всё богатство у нас разорили!
Но повзрослел я теперь и, советников слушая умных,
[315] Много узнал, и в душе у меня стало мужества больше.
Я постараюсь навлечь вам на головы страшную гибель,
Так ли, иначе – не суть: здесь ли, в Пилосе, – средство найдётся.
Еду! И путь мой теперь, уж поверь мне, не будет напрасен,
Хоть на чужом корабле я отправлюсь, с чужими гребцами.
[320] Ваша вина в том, что я ничего своего не имею!»
Это сказав, руку тут вырвал он из руки Антиноя.

А женихи между тем пир устроили сытный и шумный.
Много обидных речей посылали они Телемаху.
Так говорили одни из ругателей дерзконадменных:
[325] «Нас погубить Телемах не на шутку решил, берегитесь!
В помощь друзей привезти из песчаного Пилоса хочет,
Или из Спарты. О том, видим мы, он заботится очень.
Или Эфиру ещё посетит, плодородную землю,
Чтобы оттуда он мог привести нам смертельного яда:
[330] В кратеры бросит его перед пиром и всех нас отравит!»
Ну а другие в ответ говорили насмешливо первым:
«Кто может знать, вдруг и он на своём корабле глуботрюмном
В море, вдали от родных, как и сам Одиссей, просто сгинет.
Этим немало и нам он доставит хлопот, ведь придётся

[335] Всё, чем владеет он здесь, поделить меж собой! Ну а дом уж Пусть заберут его мать с тем, кто станет из нас ей супругом».

А Телемах между тем в кладовую спустился отцову,
Где в помещеньях больших кучи золота, меди хранились,
Много там платьев в ларях было, много и масел душистых.
[340] В глиняных бочках вдоль стен многолетние сладкие вина
В складе подземном стоят. То – божественный чистый напиток
Тайно хранился на тот день счастливый, когда Одиссей вдруг
В дом возвратится родной, претерпев много бед и страданий.
Двери двустворные вход в кладовую ту прочно держали.
[345] Старая ключница всё проверяла там денно и ночью,
Должный порядок вела, охраняла богатства усердно;
Труд Евриклея несла честно, дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Евриклею, сказал Телемах ей:
«Амфоры сладким вином, няня, ты мне наполни: вкуснейшим
[350] После того, что храним, – дорогого, – что здесь бережёшь ты,
Помня отца моего, уповая, что в дом свой вернётся
Царь Одиссей, претерпев много бед и страданий в дороге.
Так, мне двенадцать налей полных амфор и плотно закупорь.
Кожаных крепких мешков приготовь; двадцать мер ты отмеряй
[355] Жёлтой ячменной муки, и наполни мешки эти ею.
Знай же об этом одна! Все припасы поставь ты отдельно.
Вечером я подойду, чтоб забрать их; в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдёт моя мать, почивать собираясь.
В Спарту я ехать хочу, также в Пилос песчаный, – разведать,
[360] Нет ли о милом отце и его возвращении слухов».

Тут уж кормилица слёз не сдержала. И вот, Евриклея,
Громко рыдая, к нему обратила крылатое слово:
«Милое наше дитя! Как пришло тебе это на сердце?
Ты ведь единственный сын, ты – надежда последняя! Что ж ты
[365] Хочешь покинуть свой дом и уплыть, как уплыл твой родитель?
Сгинул он в дальних краях незнакомых, вдали от отчизны.
Здесь же, пока ты в пути, женихи злое дело устроят,
Чтобы тебя погубить; и богатство твоё всё разделят.
Лучше останься! Здесь мы, здесь твоё всё! Нужды тебе нету
[370] В страшное море идти, чтоб терпеть там и бури, и беды».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«О, ты не бойся! В свой путь я иду не без помощи бога.
Но поклянись мне, что мать от тебя ничего не узнает
Целых одиннадцать дней или даже двенадцать с отъезда,
[375] Если не спросит сама обо мне, иль другие не скажут.
Я опасаюсь: от слёз красота её может поблёкнуть».

Клятвой великих богов Евриклея тогда стала клясться.
После ж того как она совершила надёжную клятву,
Амфоры сладким вином наполнять она стала, а после

[380] Кожаных крепких мешков приготовила, полных мукою.
А Телемах к женихам, пировавшим беспечно, вернулся.

Новая мысль тут пришла светлоокой богине Афине:
Вид Телемаха приняв, обойти она город решила.
Встретит кого из мужей, с лаской к каждому речь обращала,
[385] Чтобы на быстрый корабль они вечером вместе собрались.
Вот к Ноемону она, сыну славному Фрония, с просьбой
Дать ей корабль подошла. Ноемон согласился охотно.

Солнце уж село меж тем, потемнели дороги и тропы.
В море солёное тут бысролётное судно спустили
[390] И оснастили его всем, что нужно для плаваний дальних;
После корабль подвели в бухте к самому выходу в море.
Все на корабль собрались, те, кого побудила богиня.

Новая мысль тут пришла светлоокой богине Афине.
Вот, снова в доме она Одиссея, подобного богу.
[395] Сладостный сон навела на глаза женихам пировавшим,
Путала мысли у них, вышибала из пьяных рук кубки.
Натиску сна уступив, по домам разошлись все, и вскоре
Сон одолел их, сомкнув им ресницы усталые крепко.
Тут, Телемаху представ, светлоокая дева Афина
[400] Вызвала тихо его из устроенной пышно столовой,
Ментора образ приняв: вид и речь его. Так говорила:
«О Телемах, нам пора! Наши спутники в медных поножах
Все уж у вёсел сидят, ожидая тебя с нетерпением.
Время идти! Дольше ждать и откладывать путь не годится».

[405] Это сказав, за собой повела его быстро Афина;
Шла торопясь впереди; он едва поспевал за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошли они вскоре.
Спутников на берегу там песчаном нашли длиннокудрых.

К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
[410] «Дру́ги! Из дома скорей принесём все съестные припасы,
Что заготовлены. Но, мать не знает о тайне отъезда;
И никому из рабынь не известно... лишь ключница знает».

Так он сказал и пошел, и за ним поспешили другие.
Взяли припасы они, принесли их на прочное судно;
[415] Всё уложили, как им повелел сын царя Одиссея.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной.
Вот на корме корабля разместилась богиня, а рядом
Сел Телемах. Вот гребцы, отвязали поспешно канаты,
Тоже взошли на корабль и расселись на лавках у вёсел.

[420] Ветер попутный тогда послала им богиня Афина.
Свежий повеял Зефир, зашумел, вспенил тёмное море.

Стал Телемах тут гребцов ободрять; он велел им скорее
Снасти наладить. Они приказанью его подчинились.
Мачту сосновую враз приподняли, в гнездо водрузили,
[425] И, утвердив её в нём, привязали канатами крепко.
Быстро затем, на ремнях закрепив, белый парус подняли.
Ветром наполнился он. И вокруг корабля закипели
Шумные волны, бурля средь пурпурно-закатного моря.
Лёгкий корабль по волнам заскользил, путь себе пробивая.

[430] Снасти наладив, они на своём корабеле чернобоком
Сладким вином дорогим до краёв дружно полнили чаши,
И, возлиянья творя, все молились богам вечносущим.
Больше же всех остальных – Зевса дочери, деве Афине.

Ночь всю и утро корабль быстроходный свой путь шёл спокойно.

Песнь третья (Гамма).

Пилос. Встреча с Нестором

Гелиос яркий уже над заливом прекрасным поднялся,
В медных горя небесах, чтоб светить и бессмертным и смертным,
Людам, чья жизнь коротка на земле плодоносной и тучной.
В Пилос Нелеев, что был пышным городом, дивнобогатым,
[5] Прибыли путники. Там возле моря народ резал в жертву
Чёрных быков для Земли Колебателя, для Посейдона.
Было там девять скамей, и на каждой пять сотен сидящих.
А перед каждой скамьёй было девять быков круторогих.
Сочной утробы вкусив, люди бёдра сжигали для бога.

[10] Путники в гавань вошли, белый парус на судне спустили;
К пристани лёгкий корабль подвели, закрепили; на берег
Дружно сошли. Телемах за Афиной спустился последним.

Тут, обратившись к нему, так сказала богиня Афина:
«О, Телемах! Ты теперь нерешительным быть уж не должен.
[15] Ты ведь и в море пошёл для того лишь, чтоб лучше разведать:
В землях каких твой отец и какою судьбой он достигнут.
К Нестору смело иди, скакунов укротителю быстрых,
Чтобы узнать: сам о том он имеет ли мысли какие.
Прямо его попроси, чтоб тебе рассказал он всю правду.
[20] Да и не станет он лгать, потому что в нём мудрости много».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«Ментор, как мне подойти? Как приветствовать, как мне держаться?
Мало искусен ещё я в речах или в умных беседах;
Трепет берёт: как же мне, молодому расспрашивать старших?»

[25] Так отвечала ему светлоокая дева Афина:
«О, Телемах, ты умом своим многое сам угадаешь;

Многое вложит в тебя бог, который к тебе благосклонен.
Ты ж не без воли богов, полагаю, рождён и воспитан».

Это сказав, вновь пошла впереди быстрым шагом Афина;
[30] Следом и сам Телемах поспешил за проворной богиней.
К месту подходят они, где собравшись, сидели пилосцы.
Там же и Нестор сидел с сыновьями. А рядом друзья их
Жарили мясо, проткнув вертелами, и пир учреждали.
Видя, что следуют к ним иностранцы, – пошли к ним навстречу,
[35] Дружески руки у них пожимали и сесть приглашали.

Несторов сын Писистрат подошёл самый первый к пришедшим,
За руки путников взял и на мягкие шкуры овечьи
Их на скамье усадил средь песчаного берега моря;
Между отцом усадил он и братом своим Фрасимедом.
[40] Сладкой утробы им дал, и, вином благородным наполнив
Кубок резной золотой, так приветствовал их, обратившись
К дочери Зевса царя средь богов и эгидодержавца:
«Странник, ты должен воздать Посейдону владыке молитву:
Прибыли нынче вы к нам на его дивный праздник великий.
[45] Ты, как обычай велит, соверши возлиянье с молитвой;
После товарищу дай кубок с чистым и сладким напитком.
Пусть возлиянье свершит. Он же молится, верно, бессмертным
Так же, как смертные все. Ведь в богах все нуждаются люди.
Он и моложе тебя и, наверное, мне он ровесник;
[50] Вот почему не ему, а я тебе кубок первому дам я».

Это сказав, в руки ей дал он кубок с вином сладкотерпким.
Радость Афине принёс справедливый и мудрый поступок
Юноши: тем, что он ей прежде дал золотой этот кубок.
Голосом громким она к Посейдону владыке воззвала:
[55] «О, ты услышь, Посейдон земледержец! Молю, не отвергни
Нас, уповающих здесь, и желания наши исполни!
Нестору прежде даруй с сыновьями богатство и славу!
После даруй остальным здесь собравшимся пилосцам благо
За гекатомбу тебе превосходную, будь благосклонен!
[60] Ну а затем дай и нам, Телемаху и мне, возвратиться,
Всё здесь свершив, для чего мы пришли в корабле чернобоком».

Так помолилась она, возлиянье затем совершила
И Телемаху дала золотой дивный кубок двудонный.
Также молитву воздал и возлюбленный сын Одиссея.
[65] Мясо пожарив уже, его с вертелов сочное сняли,
Всем разделили, и пир учредили блистательный, славный.

После того как едой и питьем голод все утолили,
К путникам тут обратил речь свою Нестор, всадник геренский:
«Благоприятно теперь обо всём расспросить иностранцев,
[70] После того, как едой и питьём уж они насладились.

Путники, кто вы? И к нам влажный путь проложили откуда?
Дело какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперёд по морям, как разбойники: мчась наудачу,
Жизнью играя своей, чужеземцам вы грабите встречных?»

[75] Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея,
Вдруг осмелев: то ему смелость в сердце вложила Афина,
Чтоб о пропавшем отце старца смог расспросить он умело,
Также чтоб в людях о нём утвердилась хорошая слава:
«О мудрый Нестор Нелид! Ты – великая слава ахейя!
[80] Хочешь ты знать: кто мы есть и откуда? Тебе я отвечу.
Мы из Итаки пришли, что под склоном лесистым Нейона.
Но то, о чём я скажу, – не народное, личное дело.
Странствую я, чтоб узнать об отце; может, слухи услышу,
Где благородный герой Одиссей, стойкий в бедах. Я слышал:
[85] Вместе вы бились в боях и разрушили славную Трою.
Но обо всех, кто с войны не вернулся троянской, – мы знаем:
Где и кого и когда злая смерть на чужбине постигла.
Только кончина его неизвестна. Её скрыл Кронион.
Где встретил он свою смерть, – это, верно, никто уж не скажет.
[90] Пал ли на суше в бою, побеждённый лихими врагами,
В зыбях ли моря погиб под холодной волной Амфитриты...
Я же, колени твои обнимая, прошу: всё, что знаешь
Мне об отце расскажи. Может, гибель его где настигла?
Может быть, видел ты сам, или слышал от странников вести?..
[95] Был он, несчастный, рождён на великие беды, на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Всё мне, как есть, расскажи, то, чему сам ты был очевидец.
Если ж когда-нибудь он, мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом сумел быть полезен для общего дела
[100] В Трое далёкой, где вы столько бед претерпели, ахейцы, –
Вспомни об этом, молю, обо всём расскажи мне правдиво».

Так Телемаху в ответ говорил Нестор, всадник геренский:
«О друг, напомнил ты мне о напастях премногих, какие
Встретили мы в том краю, мощью твёрдые дети ахейцев;
[105] И когда в лёгких судах по туманному мглистому морю
Мы за добычей неслись под командованием Ахиллеса;
И когда бились с врагом перед Троей Приама великой.
Лучшие наши мужи пали смертью героев в то время.
Мощный воитель Аякс там лежит; и Ахилл, сын Пелея;
[110] Там же лежит и Патрокл, что советами богу подобен;
Там же и милый мой сын Антилох, безупречный и смелый,
Столь же отважен в боях, сколько в беге он был быстроногим.
Также немало других испытали мы бедствий великих...
Может ли всё рассказать хоть один из людей земнородных?
[115] Если б и целые пять лет, или шесть собирал ты здесь вести
Об испытаниях тех, что ахейцы тогда претерпели, –
Раньше б, печальный, что всё не узнал, ты домой бы вернулся.

Мы, чтобы их погубить, девять лет круговратных старались.
Часто на хитрости шли. Зевс с трудом дал нам дело закончить.
[120] Но никогда и никто остротою ума потягаться
Там с Одиссеем не мог. Всех легко побеждал неизменно
В хитростях царь Одиссей, благородный отец твой, уж если
Подлинно ты его сын. Я смотрю на тебя – изумляюсь:
Ты даже речью с ним схож. Кто подумал бы, что так возможно:
[125] Юноше быть на него столь похожим в своей умной речи!
Я же в то время всегда заодно был с царём Одиссеем,
И на советах вождей, и в на общих собраниях войска.
Единодушны во всём, и в порывах своих, и в советах,
Мы выбирали лишь то, что аргивцам полезнее было.
[130] После ж, как взяли уже мы тот город Приама высокий,
Морем назад шли в судах, – тут уж бог раскидал всех ахейцев.
Бедственный путь по морям Зевс тогда приготовил аргивцам,
Так как не каждый из них справедлив был, имел светлый разум.
Вот потому-то тогда многих злая судьба и постигла, –
[135] Гнев возбудили они светлоокой могучеотцовной.
Между Атридами вдруг разожгла она страшную распрю.
Помню, созвали вдвоём на собрание они всех ахейцев
Не как обычай велит, а нелепо: уж солнце садилось;
Ну и ахейцев сыны все пришли уж изрядно хмельные.
[140] Стали Атриды тогда объяснять им причину собрания:
Требовал царь Менелай, чтоб немедля пустились ахейцы
В путь по морскому хребту широчайшему к милой отчизне.
Но Агамемнон отверг эту мысль. Он хотел задержать всех,
Чтобы на месте свершить гекатомбы святые, и этим
[145] Гнев у Афины смирить, у рассерженной сильной богини...
Глупый! Ещё он не знал, что её уж смягчить не удастся:
Вечные боги своих так легко не меняют решений.
Так там стояли они, оба брата, и слали друг к другу
Едкие речи. Тогда и красивопоножных ахейцев
[150] Надвое спор разделил, с мест срывались они с ярим криком.
Мы всю ту ночь провели в неприязненных чувствах друг к другу.
Всем нам готовил уже Зевс страдания, несчастья и беды.
Утром одни совлекли корабли в лучезарное море,
В них нагрузили богатств, взяли дев, подпоясанных низко;
[155] Но половина из всех, не желая отплыть, там осталась
Вместе с Атридом царем, Агамемноном, пастырем войска.
Я с теми был, кто отплыл. По волнам мы стремительно мчались;
Бог перед нами стелил гладко волны пучинного моря.
Скоро пришли в Тенедос. Принесли мы там жертву бессмертным,
[160] Сердцем в отчизну стремясь, и о ней лишь моля. Но возврата
Зевс непреклонный нам дать не спешил: вновь враждой разделил нас.
Часть на судах, что с кормы, как и с носа, – изогнуты кверху,
За Одиссеем царём хитроумным пустились обратно,
Чтобы Атриду царю, Агамемнону, вновь покориться.
[165] Я же вперёд поспешил со своими судами, предвидя,
Что бог готовит всем нам на пути величайшие беды.

С нами и храбрый Тидид, взяв товарищей всех, тоже отбыл.
Отбыл чуть позже и сам Менелай златокудрый, догнав нас
В Лесбосе. Спорили там мы о том какой плыть нам дорогой:
[170] Выше от Хиоса плыть, где заливы и скалы крутые,
К Псире, оставить её нам по левому борту; или же –
Ниже от Хиоса, там, где Мимант, что ветрам всем открытый.
Знаменье дать нам тогда умоляли мы бога, и дал он:
Море судами велел резать по середине, к Евбее
[175] Путь нам держать, чтоб скорей мы жестокой беды избежали.
Ветер попутный, свистя, зашумел; корабли наши быстро
Рыбообильной морской шли дорогой. Достигли Гереста
Мы звёздной ночью, и там принесли на алтарь Посейдона
Бёдра от многих быков, столь великое море измерив.
[180] День был четвертый, когда в кораблях своих в Аргос цветущий
Прибыл с друзьями Тидид Диомед скакунов укротитель,
Я же тем временем плыл в милый Пилос, и ветер попутный,
Посланный богом нам в путь изначально, – ни разу не стихнул.
Так я вернулся домой, милый сын, и с тех пор я не знаю,
[185] Кто из ахейцев спасён, а кого нам оплакивать нужно.
Слухи же, что от других слышал я, здесь живя, в своём доме,
Вправе ты знать, их тебе расскажу, ничего не скрывая.
Вот, говорят, что домой мирмидонцы пришли, копьеборцы;
Слышали мы, славный сын Ахиллеса великого – с ними.
[190] Также вернулся домой Филоктет, сын Поянта прекрасный.
Идомей в Крит привёл всех соратников, что уцелели
После войны, никого у него не похитило море.
А об Атриде и к вам, в землю дальнюю, верно, дошли уж
Слухи, как был умерщвлен он Эгистом, когда в дом вернулся.
[195] За преступление потом и Эгист поплатился жестоко.
Счастье, когда умный сын у погибшего мужа остался!
Он отмстил за отца: им лукавый Эгист умерщвлён был,
Тот, кем коварно убит был его многославный родитель!
Вот и тебе, друг, – ведь ты, вижу я, и высок, и прекрасен, –
[200] Нужно отвагу иметь, чтоб в потомках жила твоя слава!».

Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«О мудрый Нестор Нелид! Ты – великая слава ахейя!
Да, он жестоко ему отмстил. И в ахейском народе
Сложатся песни о нём, будет слава ему у потомков.
[205] О, если б силой такой и меня одарили бы боги,
Чтобы я так же, как он, отмстил женихам за их наглость!
Столько мне горя от них, столько зла они вновь замышляют!
Только вот счастья, увы, ниспослать не судили такого
Боги ни мне, ни отцу. И удел мой отныне – терпенье».

[210] Так Телемаху в ответ говорил Нестор, всадник геренский:
«О друг, напомнил ты сам мне об этом. К нам слухи доходят,
Как посещают ваш дом женихи твоей матери милой,
И как бесчинствуют в нём, беззакония делая много.

Но мне скажи: сносишь всё добровольно ты, или в народе
[215] Ты ненавистен своём и гоним по внушению бога?
Кто может знать, вдруг отец твой вернётся и всех перебьёт их,
Страшно за зло отомстив, – лично сам, или кликнет ахейн...
О друг, когда б и тебя полюбила Афина Паллада
Так как любила она Одиссея, заботой окутав
[220] В крае троянском, где мы много бед претерпели, ахейцы!
Нет, я не видел ещё, чтоб в любви боги так открывались,
Как Одиссею всегда помогала Афина открыто!
Если бы так же и ты ею был и храним, и возлюблен, –
Многие из женихов даже думать забыли б о свадьбе».

[225] Так отвечал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
«О старец! Думаю, то, что сказал ты, свершиться не может:
Слишком великая честь для меня, даже в трепет приводит.
То ни по воле моей, ни по воле богов не случится».

Но тут сказала ему светлоокая дева Афина:
[230] «Странная речь, Телемах, у тебя изо рта излетела!
Бог, если хочет, легко защитит нас и в дали далёкой.
Я предпочел бы скорей много вытерпеть в странствиях бедствий,
Но возвратиться домой, чем в пути своём, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб в нём пред своим очагом вдруг погибнуть,
[235] Как Агамемнон, что пал от коварства жены и Эгиста.
Только от смерти, увы, даже боги не в силах избавить,
Пусть и любимца, когда час назначен и жребий уж выпал.
В руки идёт он тогда к навсегда усыпляющей смерти».

Так ей сказал Телемах, рассудительный сын Одиссея:
[240] «Ментор, не станем о том говорить, хоть и горько на сердце.
Нет уж надежды на то, что увидим его день возврата.
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же с вопросом другим хочу к Нестору вновь обратиться,
Так как из смертных он всех справедливей, честней и мудрее.
[245] Был, говорят, он царём трёх подряд поколений народа.
Образом светлым своим он подобен бессмертному богу!
О мудрый Нестор Нелид! Ты скажи, не скрывая, всю правду:
Как умерщвлён был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где был тогда Менелай? И какое же средство придумал
[250] Хитрый Эгист, чтобы смог умертвить он того, кто сильнее?
Или ещё не достиг Атрид Аргоса, был на чужбине,
Меж чужаков, и его этим он на убийство отважил?»

Так Телемаху в ответ говорил Нестор, всадник геренский:
«Всё я тебе, милый сын, расскажу откровенно, чтоб знал ты.
[255] Подлинно было всё так, как и сам ты себе уж представил.
Но, если б только застал в доме брата Эгиста живого,
Царь русокудрый Атрид Менелай, возвращаясь из Трои, –
То погрёбальный курган над убитым никто не возвёл бы:

Хищные птицы и псы растерзали бы тело, без чести,
[260] В поле далёком глухом, за пределами Аргоса; даже
Жёны ахейцев его б не оплакали. Слишком зарвался!
Ведь, когда бились с врагом мы под Троей высокой, в то время
Он в светлом Аргосе был многоконным, и там безопасно
Лестью опутал своей у жены Агамемнона сердце.
[265] Всё же противно сперва Клитемнестре божественной было
Дело постыдное то, дум порочных она не имела.
Да и певец был при ней, тот, которому царь Агамемнон,
В Трою собравшись отплыть, повелел наблюдать за супругой.
Только, как скоро судьба для греха её волю сломила, –
[270] Тут же был сослан певец злым Эгистом на остров пустынный.
Там он и умер и труп его хищные птицы терзали.
Ну а царицу Эгист в дом свой ввёл, одного с ней желая.
Множество бёдер он сжёг на святых алтарях для бессмертных,
Много принёс им даров в храмы: золота, тканей различных, –
[275] Дело большое своё с неожиданным окончив успехом.
Мы же с Атридом царём, с Менелаем, скреплённые дружбой,
Плыли дорогой одной, как покинули земли Троады.
Суний священный мы с ним, мыс Афинский, когда проплывали,
Там меткий Феб Аполлон Менелая кормщика свергнул;
[280] Нежно, без боли стрелой умертвил, подойдя к нему тихо,
Судном бегущим когда правил тот, руль держа рукой крепкой.
Фронтием звали его, Онеторидом, он всех искусней
Мог кораблем управлять, если буря бушует на море.
Хоть торопился домой Менелай, всё же там задержался,
[285] Чтоб погребенью предать друга с честью и полным почётом.
После, как вышел опять Менелай в винно-тёмное море
На глуботрюмных судах, и уже мыс Малей высокий
Он проходил, – тут ему Зевс пространно гремящий устроил
Гибельный путь: он нагнал сильный ветер ревущий, свистящий;
[290] Волны огромные ввысь поднялись, высотой как горы.
Там, разлучив корабли, половину отбросил он к Криту,
Где кидоняне живут у потока реки Иардана.
Высится гладкий утёс там над морем огромный, вдвигаясь
В моря туманную мглу возле крайних пределов Гортины;
[295] Нот там на западный пик, к Фесту, волны огромные гонит,
Всё же тот мыс небольшой впрах крушит и огромные волны.
Там очутились суда. Лишь проворством спаслись мореходы.
Но корабли не спаслись: волны все их разбили о камни.
Пять остальных кораблей черноносых, похищенных штормом,
[300] Волны и ветер несли и на берег Египта пригнали.
Много собрал Менелай там сокровищ, и золота много,
Странствуя на кораблях в той стране среди чуждых народов.
И в это время Эгист совершил незаконное дело,
Смерти Атрида предав. А народ покорился безмолвно.
[305] Целых семь лет он царил вольно в златообильных Микенах.
В год же восьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богopodobный Орест, и убийцу Эгиста убил он,

Мстя за убийство отца, своего многославного предка.
После устроил он пир поминальный, предав погребенью
[310] Злую изменщицу мать и Эгиста, презренного труса.
В тот самый день Менелай возвратился могучеголосый;
Столько сокровищ привёз, сколько смог в кораблях уместить он!
Ты же от дома вдали, друг мой, странствуй недолго, оставив
Хищной толпе женихов всё имущество, предков наследство.
[315] Поберегись, ведь они всё сожрут, всё нещадно расхитят.
И бесполезным тогда станет путь, совершённый тобою.
Но к Менелая тебе я советую, требую даже,
Съездить, его посетить. Он недавно вернулся из странствий;
Был у народов таких отдалённых, откуда вернуться
[320] Вряд ли надеялся кто, занесённый к ним штормом жестоким
Через пространство пучин столь огромных и страшных, что за год
Быстрые птицы сюда долететь не смогли бы оттуда.
Можешь поехать к нему ты по морю с друзьями своими;
Или по суше езжай, если хочешь: коней с колесницей
[325] Дам, и своих сыновей я пошлю, чтобы путь в Лакедемон
Славный тебе указать, где царит Менелай русокудрий.
Сможешь тогда ты и сам обо всём расспросить Менелая;
Лжи он не скажет тебе, потому что в нём мудрости много».

Так он сказал. Между тем солнце село и сумрачно стало.
[330] К Нестору слово своё обратила богиня Афина:
«О, старец, мудро ты всё говорил! Только медлить не будем:
Режьте теперь у быков языки, и вина намешайте,
Чтоб Посейдону возлить и другим небожителям тоже.
После – о ложе ночном время думать, о сне миротворном.
[335] День превращается в ночь; дольше нам уж сидеть не прилично
Здесь, на пиру у богов: всем пора разойтись, удалиться».

Это сказав, Зевса дочь замолчала. С ней все согласились.
Слуги тотчас же воды принесли, чтобы руки омыть им.
Юноши в чашах больших до краёв намешали напиток;
[340] Справа начав, разнесли в кубках каждому для возлиянья.
Бросив в огонь языки, встали все, возлиянье свершили.
Ну а затем от души они сами вином наладились.
Встала Афина, за ней Телемах встал, подобный бессмертным,
Оба собрались идти на корабль глуботрюмный к ночлегу.
[345] Нестор же их удержал. К ним он с речью такой обратился:

«Нет, не позволят ни Зевс, ни другие бессмертные боги,
Чтоб от меня ночевать вы ушли на корабль быстроходный!
Разве я нищий какой, оборванец, бедняк без одежды?
Или же в доме моём недостаток есть в мягких постелях,
[350] Чтобы и мне и гостям разместиться и сном насладиться?
Нет, мы в достатке найдём мягких лож, одеял и подушек!
Можно ли то допустить, чтобы сын самого Одиссея
Спальнею выбрал себе корабельную палубу! Боже!

Жив я пока, и пока сыновья делят мой род в моём доме,
[355] Всех, кто пожелает к нам, принимать будем мы дружелюбно!»

Тут светлоокая так отвечала богиня Афина:
«Речь справедлива твоя, о возлюбленный старец. И должен
Волю исполнить твою Телемах: то приличнее будет.
Пусть он с тобою идёт: эту ночь проведёт в твоём доме.
[360] Вам оставлю его. Сам же к чёрному судну вернусь я,
Чтобы товарищам всё рассказать, ободрить; дать наказы.
С гордостью вам сообщу, что из спутников я самый старший.
Прочие ж – молоды все: с Телемахом ровесники смелым;
Все доброй волей они и по дружбе лишь, в путь с ним пустились.
[365] Вот почему ночевать я иду на корабль глуботрюмный.
Завтра с зарею уйду я к народам отважных кавконов:
Нужно мне долг получить там, старинный и очень немалый.
А Телемаха ты сам, раз уж гостем твой дом посетит он,
После в дорогу отправь вместе с сыном своим, в колеснице;
[370] Да прикажи дать коней быстrolётных, выносливых, сильных».

Это сказав, унеслась светлоокая дева Афина,
Вдруг обернувшись орлом. Видя то, изумились ахейцы.
Был изумлён и старик, видя чудо своими глазами.
За руку взял он тогда Телемаха, сказал ему с лаской:
[375] «О, друг, я вижу, что ты не плохой человек, не из робких,
Если тебе с ранних лет так открыто сопутствуют боги.
Был здесь не кто-то иной из богов, на Олимпе живущих,
Но Зевса славная дочь, – Тритогеия, дева Афина.
Так же удачей она и отца твоего отличала.
[380] Будь благосклонна и к нам, о владычица! Славу даруй мне!
Также и детям моим, и супруге моей благонравной!
Я же тебе принесу в жертву здесь однолетнюю тёлку
Широколобую, что не знакома с ярмом, вольно бродит
В поле ещё; ей рога изукрашу я золотом чистым».
[385] Так он молился. И был он услышан Палладой Афиной.

Кончив молитву, пошёл первым Нестор наездник геренский
В дом свой богатый, за ним – сыновья и зятья, и другие.
После того как пришли в дом просторный его и красивый,
Все по порядку тогда разместились на креслах и стульях.
[390] В чаше тут старец развёл для собравшихся винный напиток:
Воду со сладким вином, что одиннадцать лет почти зрело,
И лишь теперь для гостей вскрыла ключница с амфоры крышку.
Это вино размешав, он, молясь, совершил возлиянье
Дочери бога-царя и эгидодержателя Зевса.
[395] Все тут возлики богам. И, вином напившись довольно,
Гости потом разошлись по домам, чтобы сном насладиться.
В доме своём ночевать Нестор, всадник геренский, оставил
Лишь Телемаха, царя Одиссея любимого сына.
И на кровати резной на открытой и гулкой террасе

[400] Лёг тот, и с ним – Писистрат, копьевержец, мужей предводитель,
В доме отца только он был из братьев один неженатый.
Нестор же сам спать пошёл внутрь высокого царского дома,
Там, где царица ему приготовила брачное ложе.

Рано рождённая, вновь свет зажгла розопёрстая Эос.
[405] С мягкой постели своей Нестор, всадник геренский, поднялся.
Выйдя из дома, он сел на камнях гладкотёсных, широких,
Что близ высоких дверей, перед входом сиденьями служат;
Белые, ярко они, словно глянec, блестели от лоска.
Прежде сидел там Нелей, многоумием богу подобный,
[410] Только давно уж судьбой он отправлен в обитель Аида.
Нестор геренский теперь там воссел, всех ахейцев защитник.
Скипетр в руке он держал. Сыновья его вышли из спален;
Все вокруг отца собрались: Ехефрон, Персей, Стратий, Аретос,
Богу подобный своей красотой Фрасимед горделивый,
[415] Следом и младший, шестой, Писистрат благородный явился.
И Телемаха сюда привели, усадив его рядом.

Тут обратил к сыновьям речь свою Нестор, всадник геренский:
«Милые дети мои! Что велю вам, – исполнить спешите!
Милости прежде всего я хочу попросить у Афины:
[420] Гостем пришла она к нам на великое пиршество бога.
В поле за тёлкой сейчас чтоб один из вас шёл поскорее:
Пусть её гонит сюда к нам пастух, что следит за стадами.
Ну а другой – поспеши к Телемахову чёрному судну,
Чтобы позвать к нам людей; только двух там оставить на страже.
[425] Третий же пусть позовёт мне Лаэрка сюда поскорее,
Златоискусника: он чистым золотом дивно украсит
Тёлке рога. Ну а все остальные при мне оставайтесь:
В доме рабыням обед прикажите готовить обильный,
Стулья расставить, дрова заготовить и светлую воду».

[430] Так он сказал. Сыновья всё исполнить скорей поспешили.
Тёлку пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
Море проплывшие с ним; и Лаэрк пришёл, златоискусник.
Медный он нёс инструмент на руках: наковальню нёс, молот,
Крепкие клещи и всё, чем над золотом нужно работать.
[435] Также Афина пришла, чтобы жертву принять дорогую.

Золото выдал тогда старец Нестор, наездник геренский.
Мастер искусно покрыл им у тёлки рога, изукрасив,
Чтоб этот жертвенный дар блеском радовал сердце богини.

Тёлку вели за рога Ехефрон несравненный и Стратий.
[440] Воду Аретос принёс в дивном тазе с цветочным узором
Из дому, – руки омыть; а в другой руке нёс он корзину
Жертвенную с ячменём. Подошёл Фрасимед, стойкий в битвах.
Острый топор он держал, поразить им готовился тёлку.

Чашу подставил Персей. Старец Нестор, наездник геренский,
[445] Руки омыв, осыпал ячменём тёлку, долго молился;
Срезав с её головы шерсти клочок, бросил в жаркое пламя.
И остальные, молясь, ячменём осыпали телицу.
Несторов сын, Фрасимед многосильный, приблизившись, быстро
Жертву ударил лишь раз топором, и рассёк её шею,
[450] Силы расслабил её; и осела телушка на землю.
Вскрикнули дочери все, и невестки с самой Евридикой,
Нестора робкой женой, старшей дочерью дивной Климена.
Тёлку подняли слегка над землёю широкодорожной,
Тут уж dokonчил её Писистрат, предводитель народов.
[455] После, как чёрная кровь истощилась, дух кости покинул, –
Тушу на части тогда разделили и, вырезав бедра
Так, как обычай велит, их в два слоя обрезанным жиром
Все обернули. На них положили кровавое мясо.
Старец сжигал всё в огне, поливая вином искромётным.
[460] А сыновья подошли, наготове держа пятизубцы.
После, как бедра сожгли и отведали сладкой утробы,
Прочее всё, на куски разделив, на рожны надевали,
И, над огнём их держа, мясо жарили, тихо вращая.

А Телемаха меж тем увела Поликаста помыться,
[465] Нестора младшая дочь. И когда его вымыла чисто,
Маслом елейным ему она тело натёрла душистым,
В лёгкий хитон облекла и плащом дивным плечи покрыла.
Вышел из ванны тогда на бессмертных он статью похожий.
Так возле Нестора он занял место, владыки народов.

[470] Мясо хребтовое тут, приготовив, с рожон острых сняли.
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливать в золотые искусные кубки.
После, как голод едой и питьём утолили в достатке,
Нестор, геренский герой, так сказал сыновьям благородным:
[475] «Дети! Велите коней пышногривых запрячь в колесницу
Для Телемаха, чтоб мог по желанию в путь он пуститься».

Так он сказал. И слова его были исполнены тут же.
Быстро двух резвых коней легконогих впрягли в колесницу.
Ключница хлеба с вином положила в дорогу и разной
[480] Вкусной еды, что царям подобает как Зевса питомцам.

На колесницу вошёл Телемах, на прекрасную видом.
Рядом встал Нестора сын Писистрат, предводитель народов,
Мощной рукой вожжи взял он блестящие, ловко напруг их.
Стал гнать коней он кнутом, вихрем быстрые кони помчались,
[485] Полею летя. Позади вот уж Пилос исчез крепкостенный.

Кони летели весь день, всё тряся колесничное дышло.
Солнце уж село меж тем, потемнели дороги и тропы.

Прибыли в Феры они, к Диоклесу заехали в гости,
Что Ортилохом рождён, ну а тот рождён богом Алфеем.
[490] Дал им ночлег Диоклес и поднёс им на память подарки.

Рано рождённая, вновь свет зажгла розопёрстая Эос.
Снова коней запрягли и, в узорную встав колесницу,
Быстро они со двора понеслись, гулкий портик минуя;
Стали коней гнать кнутом, вихрем сильные кони помчались.
[495] Вот уж достигли они и равнин, изобильных пшеницей.
Там они кончили путь, кони быстро их к месту примчали.
Солнце уж село меж тем, потемнели дороги и тропы.

Песнь четвёртая (Дельта).

Встреча с Менелаем и Еленой. Пенелопа и призрак

Вот в Лакедемон пришли, что в низине, меж гор и ущелий;
Прибыли к дому царя Менелая, великого славой.
Свадебный пир он давал для родни многочисленной, пышный.
Сына и дочери – две свадьбы разом он праздновал в доме!
Сыну Пелида, фаланг разрывателя, дочь он просватал;
[5] В Трое давно уж они меж собой договор заключили
Выдать её за него, и теперь сочетали их боги.
Много он дал ей коней, колесниц; отправлял он невесту
В город её жениха, к мирмидонцам, где жил тот и правил.
[10] Сыну ж – Алектора дочь молодую он выбрал, из Спарты.
В поздних годах уж родил сына он с молодой рабыней;
Сильным был сын Мегапент. А Елене детей не хотели
Боги давать с той поры, как она родила Гермionу,
Милую дочь, что красой золотой Афродите подобна.

[15] Шумно пирует толпа в царском доме огромном, высоком.
Здесь все соседи, родня Менелая, великого славой.
Вот наслаждаются все дивной песней певца, что под лиру
Им вдохновенно поёт. И под музыку два акробата
В такт совершали прыжки с кувырками ритмично по кругу.

[20] К царскому дому прибыв, у ворот из своей колесницы
Вышли герой Телемах с сыном Нестора юным, прекрасным.
Первым увидел гостей Этеон благородный, почтенный,
Ловкий помощник царя Менелая, великого славой.
В дом он скорей поспешил, чтоб царю возвестить о пришедших;
[25] Близо к нему подойдя, обратился он с речью крылатой:
«Там чужеземцы пришли, Менелай, Зевса славный питомец,
Двое уставших мужчин, с виду тоже как Зевса потомки.
Что повелишь ты? Распрячь чужакам их коней быстроногих?
Или сказать, чтоб другой дом нашли, где их примут радушно?»

[30] С гневом великим ему отвечал Менелай русокудрый:
«Ты неразумным ещё не бывал, Этеон Боефоид!

Что ж ты теперь вздор несёшь, словно глупый младенец лепечет?
Мы испытали не раз гостелюбие в странствиях наших,
Прежде, чем снова домой возвратились. Дай Зевс, чтоб на этом
[35] Кончились беды у нас! Распрягайте коней чужеземцев!
Их же самих ты сюда проводи, чтобы нам угостить их».

Только сказал он, скорей побежал тот сквозь множество комнат,
Дома большого, с собой царских слуг расторопных брал многих.
Быстро коней распрягли легконогих, вспотевших до пены;
[40] К яслям в конюшне царя привязали голодных животных;
В ясли насыпали им полбы, и ячменя подмешали.
К белой фасада стене прислонили затем колесницу.

В царский божественный дом пригласили гостей. Те, увидев
Зевса питомца, царя дивный дом, изумлялись, любуясь:
[45] Всё лучезарно кругом, всё блестит словно солнце с луною
В доме высоком царя Менелая, великого славой.
Вот, насладив, наконец, глаза дивными видами дома,
Оба в купальни пошли, гладкотёсные, чтобы омыться.
Вымыв их чисто, тела маслом им умастили рабыни;
[50] Каждого в лёгкий хитон облекли и в плащи тонкой шерсти.
Рядом с царём на пиру сядут их, с Менелаем Атридом.
Тотчас служанка кувшин золотой принесла и омыла
Руки им чистой водой из него над серебряным тазом;
Гладкий подставила стол. А почтенная ключница ловко
[55] Хлеб разложила на стол и различных закусок к обеду,
Кушаний вкусных для них принесла из запасов охотно.
Мяса раздатчик, подняв высоко, нёс мясные подносы
Прямо на стол, а затем кубки им золотые поставил.

Жестом приветствуя их, так сказал Менелай русокудрый:
[60] «Пищи вкусите, друзья, на здоровье, и радуйтесь с нами!
А как насытитесь вы, я спрошу у вас, кто вы такие.
Вижу, что в вас не увял, цвет породы родителей ваших:
Оба вы дети царей, скиптродержцев от Зевса рождённых!
Знаю, такие, как вы, не из низких сословий выходят».

[65] Так он сказав, положил от быка им хребтового мяса
Прямо из доли своей отделив два куска, из почётной.
К сладостным яствам тогда дружно руки они устремили.
После того как едой и питьём голод свой утолили,
Тихо сказал Телемах сыну Нестора, голову близко
[70] К уху его наклонив, чтоб никто разговор не услышал:
«Видишь, мой друг Несторид, благородный, любезнейший сердцу,
Как в этом светлом большом гулком зале повсюду сверкает
Золотом и серебром, янтарём, медью, костью слоновой!
Думаю, разве что Зевс дом такой на Олимпе имеет.
[75] Что за богатство! Всего и не счесть! Я смотрю с изумленьем!».

Но его тихую речь Менелай русокудрый услышал.
Голос возвысив, к гостям обратил он крылатое слово:
«Милые дети! Нельзя смертным с Зевсом владыкой равняться!
Так как и дом у него, и сокровища – вечны, нетленны.
[80] Люди ж, – иные со мной и поспорят богатством успешно,
Ну а иные и нет... Много я претерпел и скитался,
Много привёз и добра в кораблях, на восьмой год вернувшись.
И Финикию, и Кипр посетил я; достиг и Египта;
У эфиопов я был, посетил сидонян и эрембов.
[85] Также и в Ливии был, где ягнята рождаются с рогами,
Где по три раза окот у овец и у коз ежегодно;
Там ни богач, ни пастух никогда недостатка не знают
В сыре и мясе, или в молоке жирно-сладком и свежем:
Доят там коз и коров круглый год, молока там в избытке.
[90] Но пока в землях чужих собирал я богатства, скитаясь,
В милом отечестве брат мой погиб от убийцы лихого,
Тайно, коварно: он был подло предан своей же супругой.
С тех пор богатства мои мне постылы, в них радости нету...
Но, верно, ваши отцы, кто б ни были, уже вам об этом
[95] Всё рассказали... Но мне горько: больно мне видеть потерю
Дома, что прежде блистал, был мне близок, был славен богатством!
Рад бы остаться теперь я и с третьей того, что имею,
Лишь бы вернуть тех мужей, что под Троей великой погибли,
Тех, что назад не пришли в милый Аргос, богатый конями.
[100] Часто сижу я один здесь, в богатом большом своём доме,
Их поминая, о них обо всех сокрушаясь и плача.
Плачем о них сердце я услаждаю порой, и на время
Всё забываю: ведь скорбь быстро душу у нас пресыщает.
Но, вспоминая друзей, об одном я печалюсь всех больше.
[105] Только я вспомню о нём, – мне и сон ненавистен, и пища.
Ведь из ахейцев никто не сумел столько вынести бедствий,
Сколько их снёс Одиссей. Видит бог, несчислимые беды
Пали на долю его; на мою же – печали о друге.
Долго отсутствует он. Жив ещё или нет, мы не знаем.
[110] Бедный отец каждый день безутешно горюет о сыне,
Старый Лаэрт. Слёзы льёт и супруга его, Пенелопа;
И Телемах; он ещё был в пеленках, когда тот уехал».

Так он сказал, пробудив боль тоски об отце в сердце сына;
Имя отца услышав, не сдержал сын слезы подступившей.
[115] Тут же пурпурный свой плащ он за по́лы схватил торопливо,
Чтобы глаза им прикрыть. Менелай, видя это, всё понял.
Но колебаться он стал и рассудком, и сердцем, не зная:
Ждать ли, чтоб юноша сам говорить о родителе начал,
Или вопросами всё от него разузнать понемногу?

[120] Тут, пока молча сидел он, колеблясь рассудком и сердцем,
К ним из покоев своих благовонных спустилась Елена,
Схожая образом всем с Артемидою золотострельной.

Кресло изящное ей пододвинула тут же Адреста;
Мягкий ковёр шерстяной положила под ноги Алкиппа;
[125] Фило корзинку несла, драгоценный подарок Алькандры,
Умной Полиба жены; жил Полиб тот в египетских Фивах,
Там, где во многих домах можно встретить большое богатство.
Дал Менелаю ещё в дар он две сребролитые ванны,
И два треножника дал, дал и золотом десять талантов.
[130] Также супруга его подарила царице Елене
Прялку из золота и закруглённую снизу корзинку
Из серебра, но края золотые. И эту корзинку
Фило теперь принесла и поставила возле Елены,
Полную пряжи цветной; на корзинке лежала и прялка
[135] С шерстью пурпурной. Итак, в кресло села царица Елена,
Нежные ноги свои на подставку-скамью опустила.

Тотчас у мужа она с любопытством расспрашивать стала:
«Что ты узнал, Менелай, благороднейший Зевса питомец?
Кто наши гости, что в дом к нам пришли? Как себя называют?
[140] Верно скажу, или нет, только сердце моё говорит мне,
Что не встречала ещё я такого уж явного сходства
Ни у мужей, ни у жён... я гляжу, и сама изумляюсь!..
Как этот гость наш похож на царя Одиссея! Не сын ли
Это его, – Телемах? Ведь младенцем его тот оставил
[145] Дома, когда на войну уплывали ахейцы под Трою,
Из-за бесстыжей меня предприняв свой поход столь отважный».

И, отвечая жене, так сказал Менелай русокудрый:
«Ты справедливо, жена, говоришь. Я и сам это вижу.
Схожи и ноги его, схожи руки и стан, и фигура;
[150] Те же глаза, тот же взгляд; те же кудри он носит густые
На голове. А когда я сейчас помянул Одиссея
При разговоре о том, сколько тот за меня бед изведаль, –
Из-под ресниц у него покатались внезапные слёзы,
Но под пурпурный свой плащ он их спрятал, лицо закрывая».

[155] Тут Несторид Писистрат благородный сказал Менелаю:
«Богорождённый Атрид Менелай, повелитель народов!
Истинно, спутник мой сын Одиссея, как сам говоришь ты.
Но рассудителен он, и решил, что ему неприлично
Сразу себя выставлять так нескромно при встрече с тобою,
[160] Так как ты сразу пленил нас божественной речью своею.
Ну а меня мой отец, старец Нестор, наездник геренский,
В спутники с ним отослал, чтобы мог он с тобой повидаться,
Чтоб посоветовал ты: как ему поступить и что делать.
В доме родительском сын много горя находит и бедствий,
[165] Если отец далеко, нет друзей, нет заступника в доме.
Так Телемаху теперь нелегко: нет отца, и в народе
Больше уж нет никого, кто его от беды защитил бы».

Это услышав, в ответ Менелай русокудрый воскликнул:
«Боги! Неужто в гостях у меня сын мне милого друга!
[170] Друга, так много невзгод за меня перенесшего тяжких.
Друга, с которым дружить я хотел больше, чем с остальными
При возвращении домой, и надеялся встретить, лишь дал бы
В бурных не сгнуть волнах и вернуться нам Зевс громовержец.
В Аргосе дал бы ему город я, дом ему бы построил;
[175] Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом. Для них я очистил бы, выселил город
Где-нибудь рядом с моим, и который под властью моею.
Часто встречаться тогда мы могли бы; дружили бы крепко,
Дружбой своей веселясь. И не раньше б мы с ним разлучились,
[180] Чем одного бы из нас скрыло чёрное облако смерти.
Счастьем, что сбыться могло, знать, сам бог позавидовал даже,
Если несчастному он запретил ему в дом свой вернуться».

Так он сказал. И у всех вызвал этим неожиданные слёзы.
Плакала Зевсова дочь, Менелая супруга, Елена;
[185] Плакал и сам Менелай, и возлюбленный сын Одиссея.
Также и Нестора сын Писистрат не сдержал слёз внезапных:
Вспомнил о брате своём Антилохе, что был безупречным,
Но был под Троей убит славным сыном Зари лучезарной.

Вспомнив о брате, к царю обратился он с речью крылатой:
[190] «О, царь Атрид Менелай, ты разумнее всех земнородных!
Так говорил много раз и отец престарелый мой, Нестор,
Дома, когда о тебе вспоминали в семейных беседах.
Ныне ж послушай и ты, многоумный, меня: не люблю я
Слёзы за ужином лить. Скоро вспыхнет румяная Эос,
[195] Рано родясь поутру. Будет время скорбить; я не против
Плача о близких, друзьях, что постигнуты смертью холодной.
Нам, земнородным, одна после смерти надёжная почеть:
Локон волос от друзей на могилу, их слёзы да память!
Брата лишился и я. Не последним он был из аргивян.
[200] Верно, ты знаешь его. Сам же я не успел, к сожаленью,
Встретиться с ним, и не знал брата я. Ото всех был отличен,
Слышал я, брат Антилох быстрым бегом и смелостью в битвах...»

Тут, отвечая ему, так сказал Менелай русокудрый:
«Друг мой, разумно ты всё говоришь! Так сказать мог, пожалуй,
[205] Старец лишь мудрый какой, что тебя много старше годами.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достоин!
Сразу порода мужей, без труда, познается, которым
В браке и в племени их много счастья назначил Кронион.
Так вот и Нестору он длит года его светлые, чтобы
[210] В доме своём он старел, веселясь, без нужды, среди милых
Умных своих сыновей, копьеборцев отличных и смелых.
Мы же рыдания свои, что устроили прежде, – оставим.
Снова начнем пировать, вымыв руки водой светлоструйной!

Времени будет у нас и с утра предостаточно, чтобы
[215] И Телемаху и мне побеседовать дружно друг с другом».

Так он сказал. Тут воды вымыть руки им дал Асфалион,
Друг и проворный слуга Менелая, великого славой.
К сладостным яствам затем дружно руки они устремили.

Новая мысль тут пришла к Зевса дочери, дивной Елене:
[220] Снадобье бросить в вино, намешать всем, чтоб выпили после;
Сразу и горе, и скорбь прочь уйдут, и забудутся беды.
Если кто выпьет вина с этим снадобьем столь благотворным,
Весел он будет весь день, и не смог бы он даже заплакать,
Если б и мать и отца отняла у него смерть внезапно,
[225] Если б лишился он вдруг брата или же милого сына,
Что на глазах у него поражён был бы острою медью.
Зевса прекрасную дочь наделила тем снадобьем чудным
Некогда, щедро снабдив, Полидамна, супруга Фоона,
В дальнем Египте, в стране, где земля порождает обильно
[230] Всяческих злаков и трав: ядовитых, целебных и прочих.
Каждый в народе том – врач, превышающий знанием в зельях
Всех чужаков, ибо все в той земле род ведут от Пеана.
Снадобье бросив в вино, размешав, всем раздать повелела,
И в свою очередь так начала речь царица Елена:

[235] «О, царь Атрид Менелай, Зевсом вскормленный! Также и все вы,
Дети великих мужей! По желанию Зевс посылает
Людям и зло, и добро, как захочет, ему всё возможно.
И пока можно, вы здесь, в зале пышном вином веселитесь,
Тешьте беседой себя. Вот и я о былом расскажу вам.
[240] Пусть хоть всех подвигов я Одиссея царя и не вспомню,
Как непреклонен он был и твёрд духом в страданиях многих,
Но расскажу вам о том, что бесстрашно дерзнул он исполнить
В Трое далёкой, где вы столько бед претерпели, ахейцы.
Тело своё он иссёк беспощадно бичом недостойным,
[245] Рубищем драным покрыл свои плечи, как жалкий невольник;
В город враждебных мужей он проник. Там, средь улиц широких,
Образ бродяги приняв, он ходил в своём рубище рваном
Будто бы нищий, каких у ахейских судов не видали.
Так он по Трое ходил средь троян и не узнан был ими.
[250] Я же узнала его, лишь увидев; расспрашивать стала.
Но от ответов прямых хитроумно он стал уклоняться.
Только когда я его и омыла, и маслом натёрла,
В чистое всё облекла, и клялась ему клятвой великой,
Что лишь тогда я выдам Одиссея троянцам, когда он
[255] В стан возвратится к шатрам и своим кораблям крутобоким, –
Только тогда он раскрыл мне весь замысел хитрый ахейцев.
Многих троян он убил длинноострою медью; при этом
Много и выведал он, прежде чем в стан аргивян вернуться.
Многие вдовы троян горько плакали. Сердце моё же

[260] Было веселья полно: я давно уж стремилась умчаться
В землю родную свою. Я давно уж жалела о страсти,
Что от отчизны меня увлекла по вине Афродиты,
Бросить заставила дочь, ложе брачное, милого мужа,
Столь одарённого всем: и умом, и красою, и статью».

[265] И, отвечая на то, так сказал Менелай русокудрый:
«Истинно всё. Обо всём справедливо ты судишь, супруга.
Случаи были узнать мне поступки и нравы у многих
Сильных достойных мужей, много разных земель посетил я,
Но никогда и нигде не случилось мне видеть такого,
[270] Как Одиссей: он всегда духом твёрд был средь горя и бедствий.
Вот что он сделал ещё, многоопытный муж и могучий,
В чреве глубоком коня деревянного: там мы засели,
В войске храбрейших избрав из ахейцев на гибель троянам...
Ты в это время к коню подошла. Побудил тебя, верно,
[275] Демон, враждебный для нас, лишь троянам желающий славы.
Вместе с тобой подошел Деифоб, на бессмертных похожий.
Трижды громаду коня обошли вы вдвоём, всё ощупав.
Вдруг начала ты взывать поименно к знатнейшим данайцам,
Голосу милых их жён подражая искусно и пылко.
[280] Первыми я и Тидид, да ещё Одиссей богоравный
В тёмной утробе коня голоса милых жён стали слышать.
И пробудилось во мне и в Тидеевом сыне желанье
Выйти наружу или изнутри отозваться на голос.
Но Одиссей удержал опрометчивых нас от порыва.
[285] В чреве коня притаясь, все другие ахейцы молчали.
Тут вдруг Антиклос решил отозваться на голос призывный.
Быстро тогда Одиссей многосильной рукой зажал крепко
Рот безрассудному. Тем он от гибели всех нас избавил.
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».

[290] Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссея:
«О, царь Атрид Менелай, Зевсом вскормленный пастырь народов!
Тем мне больней, что отец всё ж не спасся от грозного рока.
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, пришло нам теперь о постелях подумать,
[295] Чтобы расслабиться в них и, уснув, сладким сном насладиться».

Так он сказал. В тот же миг повелела Елена рабыням,
Чтоб на террасе внизу им устроили пышные ложа,
Мягких ковров расстелив с покрывалом пурпурно-багряным,
Дали цветных одеял, чтоб укрыться, и мягких подушек.
[300] Яркие факелы взяв, поспешили рабыни из зала;
Ложа устроили им. Проводил их к постелям глашатай.
Так на террасе внизу в своих ложах уснули спокойно
Юный герой Телемах, также Нестора сын благородный.
Царь же Атрид спать пошёл в спальню верхнюю, в женских покоях;
[305] Рядом с Еленой он лёг, что была в длинной тонкой сорочке.

Рано рождённая, вновь свет зажгла розоперстая Эос.
Храбрый в боях Менелай сладкожаркое ложе покинул;
Быстро оделся и меч на плечо он набросил двуострый;
К белым подошвам своим привязал пару дивных сандалии;
[310] Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.

Вот, к Телемаху подсел, поздоровавшись, после спросил он:
«Что за потребность тебя, о герой Телемах, побудила
К нам в Лакедемон приплыть по хребтам широченного моря?
Нужды народа, или дело личное? Правду открой мне».

[315] Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссея:
«О царь Атрид Менелай, Зевсом вскормленный пастырь народов!
Прибыл я, чтобы узнать от тебя об отце своём вести.
Гибнет богатство моё, разоряются земли, а дом мой
Полон преалчных врагов, что безжалостно бьют и сжирают
[320] Мелкий наш скот и быков криворогих медлительноходных.
Матери всё женихи! Всё чванливые наглые люди!
Я же колени твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, рассказав всё, что знаешь:
Видел ли сам, или что ты от странников слышал, быть может...
[325] Матерью, видно, он был, злополучный, рождён лишь на беды.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Всё мне о нём расскажи: то, чему сам ты был очевидцем.
Если ж когда мой отец, Одиссей благородный,лезен
Словом ли, делом ли был для тебя и ахейцев в Троеде,
[330] В дальнем краю, где вы там много бед претерпели, аргивцы,
Вспомни об этом, молю, и подробно о том расскажи мне».

С негодованьем ему отвечал Менелай русокудрый:
«Ну и глупцы! Захватить у могучего, храброго мужа
Брачное ложе хотят слабосильные алчные тусы!
[335] Это, как если бы лань для телят новорожденных слабых
Выбрала логово льва многомогущего; там уложив их,
Стала б пастись по лесам и долинам, обильным травой.
Но лев могучий едва в своё логово снова вернётся, –
Тут уж детёнышей всех быстро страшная участь настигнет.
[340] Так же и им Одиссей принесёт только страшную участь.
Если бы, – о, Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада! –
В виде таком же, как был он на Лесбосе пышном и людном,
Где состязаться в борьбе встал с Филомелеидом могучим,
И опрокинул его на великую радость ахейцам, –
[345] Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Все кратковечны они сразу стали б, и свадьбы их – горьки!
Всё то, что знать от меня хочешь ты, всё тебе расскажу я;
Чистую правду скажу откровенно, обманут не будешь.
Даже и то, что сказал мне морской проницательный старец,
[350] Не утаю от тебя, всё тебе расскажу, чтобы знал ты.

Был я в Египте; домой сердцем рвался, но боги держали
В дальнем краю, так как я, обещав, не свершил гекатомбы.
Требуют боги, чтоб мы строго чтили святые обеты.
Остров там есть, что лежит в море шумном высокоприбойном
[355] Против Египта; и все называют его – остров Фарос;
На расстоянии он на таком, что за день в тихом море
С ветром попутным легко пробегает корабль глуботрюмный.
Гавань удобная там, из неё корабли отплывают,
Тёмной запасшись водой; в необъятное море уходят.
[360] Там я по воле богов двадцать дней ожидал, но ни разу
С берега мне не подул благосклонный к отплытию ветер,
Что провожает суда по хребту широчайшего моря.
Всё истощили бы мы: силу духа людей и припасы,
Если б не сжалилась вдруг дочь могучего старца Протея,
[365] Старца морского. Она нас спасла, Эйдофея богиня.
Видимо, сердце её взволновал я при встрече неожиданной.
Шёл я в печали тогда вдалеке от товарищей верных:
Около берега все они крючьями рыбу ловили
В мелких глубинах морских, их терзал уже голод жестокий.
[370] С ласковым видом ко мне подошла и сказала богиня:
"Странник, ты словно дитя: чересчур легкомыслен! Ни лень ли
С робостью правят тобой? Или тешишься ты своим горем?
Долго без дела ты здесь пребываешь, на острове нашем,
Выход не видишь, и тем у друзей своих дух ослабляешь!"
[375] Так говорила она. И тогда я ответил богине:
"О, кто бы ты ни была из богинь, всё скажу тебе честно.
Я по неволе сижу здесь без дела и медлю с отплытьем.
Видимо, чем-то богов я обидел, властителей неба.
Ты мне об этом скажи! Знаю, всё вам, бессмертным, известно.
[380] Кто из богов держит нас здесь, на острове, путь закрывая
Для возвращенья домой по хребту многорыбного моря?"
Так я спросил. И в ответ мне на это сказала богиня:
"Ну хорошо, правду всю я открою, как ты того хочешь.
Издавна старец морской проницательный здесь обитает,
[385] Мудрый бессмертный Протей Египтянин, изведавший бездны
Моря всего. Старец тот лишь царю Посейдону подвластен.
Он, говорят, мой отец, от него я на свет появилась.
Если б засаду ему ты устроил, пленил бы внезапно, –
Всё он открыл бы тебе: и дорогу, и долог ли будет
[390] Путь возвращенья домой по хребту многорыбного моря.
Если захочешь, спроси и о том его, Зевса питомец,
Что в твоём доме большом и худого, и доброго было
С тех самых пор, как плывёшь ты и долго, и трудно в отчизну".
Так говорила она. И тогда я ответил богине:
[395] "Лучше сама подскажи, как поймать мне бессмертного старца
Так, чтобы раньше не смог он заметить меня, и не скрылся.
Смертному трудно весьма с богом справиться сильным, бессмертным".
Так говорил я. В ответ мне на это сказала богиня:
"Что ж, всё тебе расскажу откровенно, чтоб правду узнал ты.

[400] Здесь в каждый полдень, едва солнце яркое встанет в зените,
Тёмные волны кипеть начинают в порывах зефира,
И из пучины морской старец, знающий правду, выходит.
Выйдя из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Там, где тюлени, они, – дети дочери моря прекрасной, –
[405] Волны покинув, лежат возле стаями, тиной покрыты,
Смрад по округе неся отвратительный, выйдя из моря.
С ранней зарей я тебя проведу туда, место устроив
Между тюленей, и там тебя спрячу. Товарищей трёх ты
Сильных с собой приведи со своих кораблей крепкосбитых.
[410] И про уловки тебе расскажу я коварного старца:
Прежде всего, обойдет он тюленей и всех сосчитает;
И только после того, как он всех их сочтёт и осмотрит,
Ляжет и сам среди них, как пастух среди коз, и уснёт он.
Только увидите вы, что он лёг и заснул средь тюленей,
[415] Тотчас все силы свои и отвагу в кулак соберите,
Быстро схватите его и держите! Начнёт он жестоко
Биться и рваться, и вид принимать будет разных животных,
Что только есть на земле; и водой, и огнём обернётся.
Но не пугайтесь! В тиски своих рук его крепче сжимайте!
[420] И лишь он голос подаст человеческий, примет лишь снова
Тот самый образ, в каком вы его уже видели спящим, –
Сразу пустите его на свободу, оставив насилие!
Тут и спроси его: кто из богов зол и держит вас силой,
И как вернуться домой по хребту многорыбного моря».
[425] Это сказав, в тот же миг среди волн она скрылась в пучине.
Я же пошёл к кораблям, на песке неподвижно стоявшим.
Сердце волнение скрыть не могло от нахлынувших мыслей.
Лишь к кораблям я пришёл, что у моря, – собрал всех на ужин,
Пищу сготовили мы. Амброзийная ночь наступила.
[430] Вскоре и спать улеглись все под говор морского прибоя.
Рано рождённая, вновь свет зажгла розоперстая Эос.
Я, помолившись богам горячо и коленопреклонно,
Берегом двинулся в путь вдоль широкого моря. С собой я
Трёх сильных спутников взял, что готовы на дело любое.
[435] Ну а богиня тогда, погрузившись в пучину морскую,
Нам принесла из глубин шкуры юрких тюленей, четыре
Только что содранных. И, чтоб отца обмануть понадежней,
Ямы четыре в песке приготовила нам для укрытья.
Рядом сидела сама, нас ждала, когда мы подошли к ней.
[440] Каждого в яму она уложила и шкурой накрыла.
Так ждать велела. Но нам нестерпим был тот запах зловонный,
Что разливался вокруг от тюленей, питавшихся в море.
С моря детьми не легко человеку лежать по соседству.
Но нам богиня и тут помогла, прекратила страданье:
[445] Ноздри амброзией нам благовонной и сладкой помазав:
Тут же смрад чудищ морских уничтожен был запахом свежим.
Стойко под шкурами мы утро целое там протомились.
Вот стаей вышли из волн, наконец, и тюлени, улегшись

Друг возле друга кругом вдоль шумящего берега моря.
[450] В полдень и старец морской из солёного моря явился.
Жирных тюленей своих, обходя, стал считать он; и первых
Нас посчитал четверых, принимая за чудищ подводных,
Не заподозрив беды. Вскоре сам лёг и в сон погрузился.
С криком на сонного мы дружно кинулись, крепко схватили,
[455] Стали держать. Но и он не забыл о своём чародействе.
Тут же в свирепого льва бородастого он обернулся;
После драконом предстал, и пантерой, и вепрем огромным,
Быстротекучей водой, густолиственным деревом стройным.
Мы же, без страха в тиски своих рук его крепче сжимали!
[460] Лишь убедившись, что все его чары напрасны, тут старец
Сдался, свой образ принял, и ко мне обратился с вопросом:
"Кто, сын Атрида, тебе из богов дал совет про засаду,
Чтобы обманом меня одолеть? И чего тебе нужно?"
Так он спросил. И ему я на это без страха ответил:
[465] "Старец, ты знаешь и сам все ответы. К чему притворяться?
Знаешь, как долго я здесь пребываю, на острове вашем,
Выход не вижу, и тем у друзей своих дух ослабляю!
Лучше скажи мне (ведь всё вам, бессмертным, известно на свете),
Кто из богов и за что меня держит здесь и запрещает
[470] Мне возвратиться домой по хребту многорыбного моря?"
Так у него я спросил, и немедленно он мне ответил:
"Должен был жертву воздать Зевсу ты и всем прочим бессмертным,
Прежде, чем на кораблях в путь пускаться, раз хочешь скорее
Тёмное море пройти и в отчизну свою возвратиться.
[475] Только тогда суждено тебе близких увидеть, вернувшись
В светлый и пышный свой дом, в земли милого края, когда ты
Вновь повернёшь к берегам и святому потоку Египта,
Что истекает с небес, а потом совершишь гекатомбы
Вечноживущим богам, беспредельного неба владыкам.
[480] Боги тогда лишь тебе путь дадут тот, какой ты желаешь".
Так он сказал, и во мне сердце стало стонать и терзаться:
Так не хотелось назад мне по мгlisto-туманному морю
Снова к Египту идти долговодной и трудной дорогой.
Но, несмотря ни на что, так ответил я старцу морскому:
[485] "О, старец, всё, что ты мне повелел, я исполню как должно.
Ты же мне вот что ещё Расскажи, ничего не скрывая:
Все ли домой в кораблях невредимы вернулись ахейцы,
Те, с кем и Нестор, и я, распрощались, покинув Трояду?
Или в дороге погиб кто из них с кораблями своими?
[490] Или, войну пережив, на руках у друзей кто скончался?"
Так у него я спросил, и немедленно он мне ответил:
"О, царь Атрид! Для чего хочешь знать ты об этом? Уж лучше б
Было тебе и не знать и меня не спрашивать. Долго ты будешь
Плакать потом и страдать, когда горькую правду узнаешь.
[495] Многих уж нет. Но в живых тоже много осталось ахейцев.
Двум лишь ахейским вождям меднолатных домой возвратиться
Смерть не дала. Ну а кто пал в боях, – ты и сам это знаешь.

Где-то ещё один жив, в море он не по воле задержан.
Малый Аякс в шторм попал с длинновёсельными кораблями.
[500] Там и погиб: Посейдон бросил их на Гирейские скалы;
В щепки разбил корабли; всё ж Аякса он спас из пучины.
Смерти бы тот избежал, хоть и был ненавистен Афине,
Если бы, спасшись, не стал, ослеплённый удачею, хвастать,
Что он богам вопреки вышел целым из губительной бездны.
[505] Дерзкое слово его Посейдоном услышано было.
Вспыхнув во гневе, схватил он ужасноогромный трезубец
И по Гирейской скале им ударил! Скала раскололась.
Большой остаток скалы устоял, а другой – рухнул в море,
Тот на котором Аякс находился, прогневавший бога.
[510] Вслед за собою скала увлекла его в бурное море.
Так он, несчастный, погиб, захлебнувшись солёной водою.
Брат твой судьбы избежал поначалу и целым вернулся
В чёрных своих кораблях, сохранённый владычицей Герой.
Все же, когда он подплыл к неприступным утесам Малей,
[515] Бурей внезапною был с кораблями своими подхвачен;
Морем его понесло многорыбным, вопящего жалко,
К крайним пределам земли, где Фиест прежде жил в своём доме,
После ж, – Эгист Фиестид, сын его, обитал там и правил.
Вскоре, однако, опять успокоилось шумное море;
[520] Ветер попутный ему дали боги, и прибыл домой он.
Царь Агамемнон, ступив на родной берег, был очень счастлив;
Землю он стал целовать, обнимая отчизну родную;
Родину видя свою, не сдержал он горючие слёзы.
Только замечен он был с дальней вышки дозорным Эгиста.
[525] Стражнику тот обещал золотых два таланта, коварный.
И вот уж год наблюдал стражник с вышки дозорной за морем,
Чтобы Атрид не застал их врасплох, появившись внезапно.
Быстро дозорный бежал, доложить эту весть роковую.
Тотчас коварный Эгист подлый план свой задумал исполнить.
[530] Выбрал он двадцать мужей из народа отважных в засаду,
Скрыл их, а в доме велел к пиру славному всё приготовить.
Сам же отправился звать Агамемнона, пастыря войска,
На колесницах летя, замышляя недоброе в сердце.
Встретил его, в дом привёл, подозрению чуждого, после
[535] Подлю зарезал его на пиру, как быка возле яслей.
Те, кто с Атридом пришёл, пали все на пиру этом горьком.
Те, кто с Эгистом пришёл, тоже пали. Эгист лишь остался». .
Так он сказал, и во мне сердце стало стонать и терзаться.
Горько я плакал, упав на песок. Больше жить не хотел я.
[540] Даже и солнечный свет видеть сердце моё не хотело.
Долго рыдал я тогда, безутешный. Когда же поднялся,
Старец правдивый морской так сказал мне ещё напоследок:
"Нет, сын Атрида, себя сокрушать ты так сильно не должен.
Плач свой оставь: ничему твои слёзы уже не помогут.
[545] Лучше подумай о том, как скорее вернуться в отчизну.
Или застанешь живым ты предателя, или Орестом

Он уже будет убит; но поспеешь к его погребенью".
Так он сказал. И мой дух ободрился, а храброе сердце
Радостью наполнилось вновь, хоть и скорбью страдало великой.
[550] Голос возвысив, ему я послал окрылённое слово:
"Знаю теперь о двоих. Объяви же, кто третий, который,
Морем широким объят, но живой, хоть томится в неволе?
Или уж нет и его? Как ни горько, но слушать готов я".
Так у него я спросил, и немедленно он мне ответил:
[555] "То сын Лаэрта царя и правитель скалистой Итаки.
Видел его я, когда он на острове горько лил слёзы:
Нимфа Калипсо его держит в доме своём против воли,
Вот и не может никак в путь пуститься он к дому родному:
Нет у него корабля, нет товарищей с ним, с кем он мог бы
[560] В дальний отправиться путь по хребту широчайшему моря.
И для тебя, Менелай, есть пророчество, Зевса питомец!
В Аргосе ты не умрёшь многоконном, не встретишь там смерти.
Боги тебя отошлют на поля Елисейские, к дальним,
Крайним пределам земли, где живёт Радамант златовласый.
[565] Там протекают легко беспечальные дни человека,
Нет там ни долгих дождей, ни холодной зимы, ни метелей;
Вечно там дует Зефир и людей освежает блаженных,
Он Океаном туда посылается с лёгкой прохладой.
Всё потому, что супруг ты Елене и милый зять Зевсу».
[570] Это сказав, в волны он погрузился шумящего моря.
Я же с друзьями назад поспешил, к кораблям быстролётным.
Сердце волнение скрыть не могло от нахлынувших мыслей.
Лишь к кораблям мы пришли, что у моря, – сготовили ужин,
Пищи вкусили. Потом амброзийная ночь наступила.
[575] Все мы уснули тогда под шипящие песни прибоя.
Рано рождённая, вновь свет зажгла розопёрстая Эос.
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Снасти внесли, паруса, утвердили и крепкие мачты,
Люди на лавках потом разместились у вёсел широких;
[580] Разом ударили мы море тёмное вёслами, вспенив.
Вновь повернул я суда к берегам и потоку Египта,
Что истекает с небес. Там принёс я богам гекатомбы.
После того уж, как я гнев богов усмирил пышной жертвой,
Холм я могильный возвёл Агамемнону в вечную память.
[585] Выполнив всё, вновь пошли морем мы, и послали нам боги
Ветер попутный, а он нас к отчизне любимой доставил...
Вот что, тебе, Телемах, предложить я хочу: погости здесь,
С нами одиннадцать дней проведи, или даже двенадцать.
После тебя отпущу, дам тебе дорогие подарки:
[590] Трёх быстроногих коней подарю с колесницей блестящей,
Чашу искусную дам чуждой выделки, чтобы бессмертным
Ты возлиянья творил, обо мне вспоминая при этом».

Так Менелаю сказал рассудительный сын Одиссея:
«О, сын Атрея! Прошу, ты меня не задерживай долго!

[595] С радостью я бы, поверь, мог и год провести здесь с тобою,
И не о доме родном, ни о близких не стал бы скучать я,
Так мне рассказы твои интересны и очень приятны.
Только друзья меня ждут с нетерпением: в священнейший Пилос
Должен прибыть я скорей. Ты же просишь, чтоб здесь я остался.
[600] Если ты хочешь меня одарить, – небольшой дай подарок.
Взять я в Итаку коней не могу; пусть уж здесь остаются,
И на равнинах твоих пусть красуются. Ты ведь владеешь
Землями тучных равнин, где в обилии огненный кипер,
Лотос, пшеница растут, также белый ячмень здесь повсюду.
[605] Наша Итака дорог и лугов не имеет широких,
Кормит лишь коз, но она мне милей конских пастбищ всех вольных.
В море же все острова для коней легконогих не гожи:
Места им мало, лугов. А Итака – всех меньше в округе».

Так он сказал. Мерелай, храбрый в битвах, ему улыбнулся,
[610] Ласково тронул рукой, и по имени так обратился:
«О, Телемах, милый сын! Речь твоя выдаёт благородство!
Что ж, поменяю дары. Для тебя мне и это не трудно.
Дам я подарок другой. В моём доме не мало сокровищ.
Лучшее я подберу: дар прекраснорукый, почетный.
[615] Дам я в подарок тебе чашу дивную редкой работы.
Вся она из серебра, а края у неё золотые.
Сделал её бог Гефест. Мне же в дар – дал Федим благородный,
Царь сидонян; я тогда, возвращаясь в отчизну, был гостем
В доме радушном его. А теперь – в дар тебе дам я чашу».

[620] Так дружелюбно они говорили друг с другом о многом.
В доме царя, между тем, собрались все званые гости;
Коз приводили, овец; вин несли, побуждающих смелость;
Хлеба прислали к столу их с красивыми лентами жёны.
Так в царском доме большом всё готовилось к пышному пиру.

[625] А женихи той порой во дворе Одиссеева дома
Вновь забавляли себя в шумных играх: они на площадке
Соревнованье вели по метанию копий и дисков.
Но Антиной в стороне с Евримахом сидел боговидным,
Оба – вожди женихов, так как выше их знатностью рода.
[630] Фронию сын Ноемон, подошёл к ним, сидевшим поодаль,
И к Антиною вождю он с вопросом таким обратился:
«Знаешь ли ты, Антиной, мне скажи, или, может, не знаешь:
Скоро ль придёт Телемах из песчаного Пилоса в дом свой?
Взял он корабль у меня, а теперь самому мне он нужен,
[635] Чтобы в Элиду отплыть. На широких полях там двенадцать
Бродят моих кобылиц; с ними мулы, что любят работать;
Неукрощённые все. Мне б поймать одного, чтоб объездить».

Так он сказал. И они изумились: прийти не могло им
В ум, что тот в Пилосе был у Нелида. Они полагали,

[640] Что он в полях возле стад, или, может, ушёл к свинопасу.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, сказал Ноемону:
«Ну-ка, нам правду открой: он уехал когда, и какие
Юноши отбыли с ним? Из Итаки, свободные? Или
Нанял за плату кого? Иль рабов взял? И как всё успел он?
[645] Также скажи нам ещё откровенно, чтоб правду мы знали:
Силой ли взял у тебя он корабль быстроходный, или же
Ты добровольно отдал, лишь тебя попросил он об этом?»

Фрониев сын Ноемон так на это сказал Антиною:
«Сам добровольно я дал. Так и всякий другой поступил бы,
[650] Если б к нему человек с таким тягостным горем на сердце
С просьбой подобной пришёл. Кто бы смог отказать ему в этом?
Те, кто последовал с ним, – это лучшие юноши наши,
Все из знатнейших семей. Предводителем к ним, – видел сам я, –
Ментор пошёл... или кто из богов образ Ментора принял,
[655] Так как вчера изумлён я был сильно: божественный Ментор
Утром мне встретился здесь! А ведь сел на корабль он со всеми...»

Так им ответил. Затем поспешил он к отцовскому дому.
Сильно ответом своим он встревожил их храбрые души.
Соревнованье прервав, женихов они быстро собрали.
[660] К ним обратился тогда, весь кипя, Антиной, сын Евпейта.
Гневом пылал он, в груди сердце наполнилось чёрною злобой,
Словно свирепый огонь засверкали глаза. Так сказал он:
«Плохи дела! Горе нам! Дело дерзкое сделал, пустившись
Смело в свой путь Телемах! От него мы такого не ждали!
[665] Нас не спросив, он, юнец, самовольно корабль снаряжает,
Лучших берёт из людей и спокойно от нас уплывает!
В будущем беды он нам принесёт. Пусть уж лучше погибнет
Прежде от Зевса, пока не совсем возмужал нам на горе!
Вы же мне быстрый корабль снарядите, гребцов дайте двадцать,
[670] Чтоб на обратном пути, в море он угодил к нам в засаду!
Будем его поджидать между Замом крутым и Итакой.
Поиски эти отца пусть ему принесут лишь погибель!»

Так он сказал. Женихи согласились, одобрив идею.
После уж вместе они все направились в дом Одиссея.

[675] Но Пенелопа о том, что её женихи замышляют
Зло против сына её Телемаха, не знала недолго.
Всё рассказал ей Медонт, славный вестник; он был за оградой,
Рядом, когда женихи совещались, и речи их слышал.
С вестью такой он скорей в дом пошёл, чтоб сказать Пенелопе,
[680] И на пороге её повстречал. Пенелопа спросила:
«Ты ни наказ ли какой женихов благородных несёшь мне?
Может, рабыням царя Одиссея, подобного богу,
Бросить дела повелеть, чтоб обед женихам приготовить?
Лучше б не свататься им! Отступились бы, не приходили!

[685] О, если б этот обед в доме нашем для них был последним!
Часты как ваши пиры! Вы наш дом разорили! Сгубили
Все достояние в нём Телемаха! Неужто ни разу
В детстве не слышали вы от разумных отцов благородных,
Как относился всегда к ним мой муж, Одиссей богоравный?
[690] Не обижал никого никогда он ни словом, ни делом,
В нашем народе; хотя многосильным царям и обычно
Лаской любимцев ласкать, и обиды нести нелюбимцам.
Он же за всю свою жизнь никого не обидел из смертных.
Вы же бесстыдство своё всем являете в ваших поступках!
[695] Нет благодарности в вас за добро и бывшие заслуги!»

Так ей ответил Медонт, много мыслей разумных имевший:
«О, если б только всё зло заключалось лишь в этом, царица!
Но куда большей бедой женихи нам теперь угрожают,
Худшей гораздо! Не дай им исполнить то дело, Кронион!
[700] Ведь Телемаха убить порешили они острой медью
В день возвращения его. Он искать об отце своём вести
В Пилос священный отбыл и в божественный град Лакедемон».

Так он сказал. У неё ослабели тут ноги и сердце.
Долго ни слова сказать не могла она: голос цветущий
[705] Вдруг онемел, а глаза переполнились сразу слезами.
С духом собравшись, она, наконец, так ему отвечала:
«Вестник, но что же его побудило отбыть? Для чего же
Вверился он кораблям быстроходным (конями морскими,
Что по великой воде пробегают, зовут их мужчины)?
[710] Хочет ли он, чтоб совсем его имя исчезло в народе?»

Так ей ответил Медонт, много мыслей разумных имевший:
«Мне неизвестно, внушил это бог ли какой ему, или
Сам он то в сердце решил, чтобы в Пилос отплыть, дабы лучше
Всё об отце разузнать: где он, что с ним, вернётся ли, нет ли».

[715] Так он сказал, и затем удалился из царского дома.
Сердцегубящая скорбь охватила царицу; и стало
Невозмогу ей сидеть в мягком кресле; и пусть в доме кресел
Было в достатке других, на порог опустилась царица,
Горько рыдая. Вокруг собрались все рабыни с рыданием,
[720] Сколько их было всего в царском доме, и юных, и старых.
Сильно скорбя среди них, говорила им так Пенелопа:
«Слушайте, милые! Дал Олимпиец мне столько несчастий,
Сколько не знает никто среди женщин, со мною ровесниц!
Прежде погиб мой супруг, обладавший отвагою львиной,
[725] Множеством доблестных свойств отличавшийся между данайцев.
Полнятся славой его вся Эллада и Аргос просторный!
Нынче ж и милый мой сын... где, не знаю... бесславно умчали
Бури из дома его. И о сборах его я не знала...
Подлые! Ясно, что вы, знали всё! Но никто из вас даже

[730] Не соизволил меня разбудить, – ни одна! – как узнали,
Что он из дома пошёл к быстроходному судну, на пристань!
Если б тогда кто-нибудь мне сказал, что он хочет уехать, –
Он отложил бы отъезд, как ни рвался, со мной бы остался,
Или б оставил меня бездыханную здесь, в отчем доме.
[735] Но позовите ко мне старика Долиона скорее!
Верный слуга, он отцом был мне дан, как сюда меня взяли.
Здесь он за садом моим плодоносным с усердием смотрит.
Пусть он к Лаэрту идёт сей же час, старцу пусть всё расскажет.
И мудрым сердцем своим тот решит, как нам быть. Он, быть может,
[740] С жалобой выйдет в народ, допускающий смерть его внука,
Что Одиссею царю – сын единственный богоподобный».

Няня усердная тут, Еврикля, сказала царице:
«Милая дочь! Повелишь ты казнить меня медью жестокой,
Или помилуешь, но ничего от тебя я не скрою.
[745] Было известно мне всё. По приказу его принесла я
Хлеб на дорогу, вина... Взял с меня он великую клятву:
Не разглашать, пока срок до двенадцати дней не наступит,
Или не спросишь сама, или всё от других не узнаешь.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
[750] Вот что: омойся теперь, облеки тело чистой одеждой,
В верхний покой свой пойдёшь и молитву с рабынями вместе
Перед Афиною там сотвори, Зевса дочерью мудрой.
Сына тебе сохранить и от смерти спасти она может.
Но не печаль старика, без того уж печального. Верь мне:
[755] Боги ещё не совсем отвернулись от славных потомков
Аркесиада; они обладать ещё будут высоким
Домом царя и его плодоносной землёю обширной».

Так ей сказав, уняла она скорбь её, слёзы сдержала.
После, омывшись водой и облекшись одеждою чистой,
[760] В верхний покой свой пошла Пенелопа с рабынями вместе.
Всыпав в корзинку ячмень, так царица молилась Афине:
«Непобедимая дочь питодержца Зевеса, внемли мне!
Если когда Одиссей многоумный сжигал пред тобою
Тучные бедра быков и овец в своём доме высоком, –
[765] Вспомни об этом теперь и спаси для меня его сына,
Козни моих женихов злонамеренных нынче ж разрушив!»
Стон испустила в конце. И услышала просьбу богиня.

А женихи той порой в пышном зале тенистом шумели.
Так говорил не один среди них, безрассуднонадменных:
[770] «Верно, желанная всем Пенелопа готовит нам свадьбу,
Даже не мысля о том, что готовим мы смерть её сыну!»

Так говорил не один. Но не знали они, что готовят
Боги им всем. Антиной так сказал женихам, негодуя:
«Эй, безрассудные! Вам я советую речи такие

[775] Попридержаться, чтоб из слуг кто-нибудь не донёс, вас услышав!
Лучше мы молча уйдём все отсюда и дело исполним,
То, на которое вы согласились сегодня с охотой».

Так он сказал, а затем двадцать спутников выбрал отважных,
С ними пошёл к кораблю, что стоял на песке возле моря.
[780] С берега сдвинув корабль в волны пенноглубокого моря,
Снасти внесли, паруса, утвердили высокую мачту,
Крепко ремнями из кож привязали к уключинам вёсла,
Должным порядком затем разложили они белый парус;
Вооруженье внесли их отважные мальчишки-слуги.
[785] В море на якорь корабль укрепив в глубине, вновь вернулись
На берег ужинать все. Так за ужином вечера ждали.

В верхнем покое своём той порой Пенелопа лежала
В сердце с печалью большой; ей ни есть и ни пить не хотелось;
Думала лишь об одном: смерть минует ли славного сына,
[790] Или от рук женихов вероломных он всё же погибнет?
Будто бы лев, что вокруг видит только охотников ловких,
Гибель несущих ему, и, зажатый в тиски, он трепещет, –
Так трепетала она среди мыслей гнетущих. Но вскоре
Сон успокоил её, и гнетущие мысли исчезли.

[795] Тут вдруг идея пришла светлоокой богине Афине.
Призрак она создала, что похож на прекрасную видом
Старца Икария дочь, на сестру Пенелопы Ифтиму;
Муж её – сильный Евмел – правил в Ферах, где жил в славном доме.
Призрак отправила в дом Одиссея богиня Афина,
[800] Чтоб успокоил он скорбь Пенелопы, и лёгкой рукою
Горькие слёзы утёр, и печаль её лаской утешил.
В спальню тот призрак проник, и ремня у задвижки не тронул,
Встал над её головой бестелесный, и так говорил ей:
«Спишь, Пенелопа, сестра? Или сердце терзаешь печалью?
[805] Боги, что вечно живут лёгкой жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать! Верь, Телемах невредимым вернётся!
Он ведь бессмертных богов никогда и ничем не прогневал».

В сладкой дремоте уже, у ворот в дивный мир сновидений,
Мнимой сестре своей так Пенелопа сквозь дрёму сказала:
[810] «Друг мой, сестра, что тебя привело? Мы не виделись столько!
Ты ведь теперь уж живёшь далеко, к нам давно не бывала...
Но как ты хочешь, чтоб я уняла свою скорбь и печали,
Если жжёт сердце моё, сушит душу великое горе?
Прежде погиб мой супруг, обладавший отвагою львиной,
[815] Множеством доблестных свойств отличавшийся между данайцев.
Полнятся славой его вся Эллада и Аргос просторный!
Нынче ж и милый мой сын... где, не знаю... он в море умчался,
Юный совсем, ни к труду, ни к речам не приученный мудрым.
Больше волнуюсь о нём я теперь, чем о бедном супруге;

[820] Сердцем терзаюсь, боюсь, чтоб беды с ним какой не случилось
В море бескрайнем, или в чуждых странах среди чужеземцев.
Даже и здесь у него есть враги, стерегут его чтобы
Смерти жестокой предать на обратной дороге в отчизну».

Сумрачный призрак в ответ так на это сказал Пенелопе:
[825] «Сердце своё не тревожь понапрасну, сестра, и не бойся!
Спутница есть у него, да такая, которой бы всякий
Смертный желал, чтобы с ним находилась: ведь всё она может, —
Дева Афина сама! И тебе она шлёт сострадание!
Это она послала меня с вестью к тебе, чтоб утешить».

[830] Мнимой сестре своей так Пенелопа на то отвечала:
«Если же ты — божество и пришла ты ко мне от богини,
То, умоляю, открой мне супруга печальную участь!
Жив ли еще Одиссей, ещё видит ли солнца сиянье?
Или его уж нет, и сошёл он в обитель Аида?»

[835] Сумрачный призрак в ответ так на это сказал Пенелопе:
«Нет, я о нём ничего рассказать не могу: жив он, нет ли...
Зря говорить не хочу: пусторечие ветру подобно».

Так сказав, призрак исчез, лишь скользнул у дверного засова
Воздухом лёгким. В тот миг пробудилась от сна Пенелопа,
[840] Старца Икария дочь. Её сердце наполнила радость, —
Так явно призрак предстал ей пророческий ночью глубокой.

На корабле женихи той порой шли дорогою водной,
Смерть Телемаху неся в своих замыслах дерзкожестоких.
Остров утёсистый есть на равнине солёного моря,
[845] Между Итакой лежит он и Заом скалистым. То остров —
Астерис. Он небольшой. Для судов же — две гавани тихих
Есть там с обеих сторон. Там и встали в засаде ахейцы.

Песнь пятая (Эпсилон).

Освобождение от Калипсо. Путешествие по морю

Эос проснулась едва в ложе рядом со славным Тифоном,
И поднялась, чтобы свет принести и бессмертным и смертным, —
Боги уже на совет все собрались. И главный меж ними —
Зевс, что гремит в вышине и могуществом всех превосходит.
[5] Стала Афина тогда им о множестве бед Одиссея
Напоминать, и о том, что ещё он в неволе у нимфы:
«О, Зевс отец! Также вы, все блаженные вечные боги!
Благим и кротким с людьми, и приветливым, быть уж не должен
Царь скиптроносный теперь! Но, убив в себе правду и совесть,
[10] Пусть притесняет народ каждый царь, беззаконно и смело!..
Раз уж забыть вы смогли Одиссея! Не он ли всегда был
Добрый и честным царём, был народу отцом благодушным?!...

Сильно страдая душой, до сих пор он на острове дальнем;
Нимфа Калипсо его держит в доме своём против воли,
[15] Вот и не может никак в путь пуститься он к дому родному:
Нет у него корабля, нет товарищей с ним, с кем он мог бы
В дальний отправиться путь по хребту широчайшему моря.
Ну а теперь уж убить его милого сына желают
В день возвращенья домой: он искать об отце своём вести
[20] В Пилос священный отбыл и в божественный град Лакедемон».

Зевс ей на это сказал, громовержущий туч собиратель:
«Дочь! Как такие слова за ограду зубов ты пустила?!
Раньше не ты ли сама так в уме своём твёрдо решила,
Что, возвратившись домой, Одиссей отомстит им жестоко?
[25] И Телеемаха сама проводить осторожно сумеешь,
Чтоб неведимым совсем он вернулся в отцовскую землю.
И женихи пусть назад возвратятся, не сделав злодейства».

Так он сказал, и наказ дал он милому сыну Гермесу:
«Сын мой, Гермес, ты всегда был посланником славным! Лети же
[30] К нимфе, что косы свои заплетает изящно, скажи ей:
Срок наступил, чтоб домой Одиссей, стойкий в бедах, вернулся!
В путь пусть один он идёт, – без друзей, без участия свыше, –
Морем, на крепком плоту. Пусть в пути встретит много несчастий.
Пусть в день двадцатый найдёт берег Схерии он плодородной,
[35] Где феакийцы живут, что родные богам. Пусть ему там
Почесть окажут они как бессмертному славному богу,
И на своём корабле его в землю отправят родную,
Меди и золота дав, и одежд драгоценных в подарок, –
Столько всего, сколько он никогда не привёз бы из Трои
[40] С долей добычи своей, если б сразу домой он вернулся...
Так возвратиться ему суждено; видеть вновь своих близких,
Милую землю отцов, царский дом свой высокий, красивый».

Так он сказал. И не стал медлить с вестью той Аргоубийца.
К светлым ногам привязал он свои золотые подошвы
[45] Амброзиальные, те, что носили его словно ветер
И над бескрайней землёй, и над водною гладью широкой.
Взял он волшебный свой жезл, что и бодрого вмиг усыпляет,
Или же наоборот: пробуждает от сна крепко спящих.
С жезлом в руке полетел мощный Аргоубийца с Олимпа;
[50] Возле Пиерии он сразу к понту спустился с эфира.
Быстро помчался потом над волнами он чайкой крылатой,
Жадно хватающей рыб между волн шумнобурного моря,
Смело в солёной воде свои сильные крылья купая.
Чайке подобный, Гермес полетел над пучиной морскою.

[55] Вскоре он остров нашёл, что был скрыт в дальнем море широком;
Тут же на землю вступил, с тёмно-синего моря спустившись.
Берегом дальше пошёл. Так дошёл до просторной пещеры.

Нимфу, что косы свои заплетает изящно, там встретил.
На очаге у неё ярко пламя пылало большое.
[60] Запах повсюду неся благовоний и колкого кедра,
Остров окутывал дым. Нимфа ткань ткала, пела красиво,
Ткацкий станок обходя с челноком золотым и искусным.
Густо разросшийся лес окружал отовсюду пещеру,
Тополем чёрным, ольхой, кипарисом высоким душистым.
[65] Всюду гнездились в листве длиннокрылые быстрые птицы:
Ястребы, скопы; ворон стаи шумных приморских, крикливых;
На побережье они добывали себе пропитанье.
Также у входа ковром по скале виноград поднимался,
Пышно разросшись; кругом ягод тяжкие гроздья свисали.
[70] Рядом четыре текли светлоструйных источника чистых,
Близко друг к другу; потом разбегались они друг от друга.
Всюду на мягких лужках здесь фиалки цвели с сельдереем.
Если б сюда вдруг попал бог бессмертный, на остров прекрасный,
Был бы он радостно здесь красотой изумлён до восторга.
[75] Так, созерцая, стоял, восхищаясь, бог Аргобийца.

После того как на всё, восторгаясь, Гермес нагляделся,
Внутрь он пещеры вошёл преогромной. И, гостя увидев,
Нимфа, краса средь богинь, его тут же, взглянув лишь, узнала.
Боги бессмертные быть незнакомы друг другу не могут,
[80] Даже когда делит их друг от друга большое пространство.
Но Одиссея внутри не увидел он, сильного духом.
Тот, как обычно, сидел на утёсе над морем, и плакал.
Там он все дни проводил, горем душу питая и плачем;
Взгляд, помутневший от слёз, не сводил он с пустынного моря.

[85] Нимфа Гермеса на трон усадила, сверкающий ярко.
После спросила его вида дивного нимфа Калипсо:
«Что же тебя привело, о, Гермес златожезленный, в дом мой?
Здесь ты желанен и чтим! Только раньше ко мне не бывал ты.
Что тебе нужно, скажи. Всё исполнить велит моё сердце:
[90] То, что исполнить смогу, то, что в силах сама я исполнить.
Прежде, однако, моё угощение отведать ты должен».

Это сказав, дивный стол перед гостем воздвигла богиня.
И амброзийный нектар подала ему сладкий пурпурный.

Пищи охотно вкусил благовестник, бог Аргобийца.
[95] После того, как поел, насладив душу пищей бессмертных,
С речью ответной Гермес обратился к прекрасной богине:
«Бога, богиня, меня о приходе моем вопрошаешь?
Что ж, я тебе расскажу всё, как есть, раз сама ты велишь мне.
Зевсом я послан; не сам произвольно к тебе я явился.
[100] Кто ж добровольно помчит в эту даль бесконечного моря
Горько-солёного, где не увидишь жилищ человека,
Что нас и жертвами чтит, и приносит для нас гекатомбы!

Волю же Зевса никто, щитодержца, нарушить не смеет
Даже и между богов, не исполнить её невозможно.
[105] Ведаёт он, что здесь скрыт, у тебя, злополучнейший самый
Муж из тех славных мужей, что сражались под Троей Приама
Все девять лет; взяв её на десятый, – отплыли в отчизну.
Но возвращаясь, они разозлись умудрились Афины!
Ветер она послала им, вздымающий страшные волны.
[110] Спутников всех растеряв в бурном море, он сам напоследок,
Бурей подхваченный, здесь был у острова волнами брошен.
Этого мужа тебе надлежит отослать поскорее,
Так как ему не судьба здесь погибнуть, вдали от отчизны.
Но возвратиться ему суждено; видеть вновь своих близких,
[115] Милую землю отцов, царский дом свой высокий, красивый».

Так он сказал. Ужас вдруг охватил тут богиню Калипсо,
Голос возвысив, она шлёт к нему слов крылатые стаи:
«Как вы жестоки порой, как завистливы, вечные боги!
Вас раздражает, когда делит ложе богиня со смертным,
[120] Милым супругом зовёт не бессмертного, – смертного мужа!
Так Орион избран был розопёрстою Эос, богиней.
Гнали за то вы его, легкою жизнью живущие боги,
Гнали до тех пор, пока Артемидою он златотронной
Не был в Ортигии вдруг умерщвлён её тихой стрелою.
[125] Так избран был Ясион заплетённой красиво Деметрой.
Сердцем его возлюбя, ложе с ним разделила богиня
В поле, что трижды уже было вспахано. Скоро узнал то
Зевс, яркой молнией он вмиг он умертвил Ясиона.
Нынче, о, боги, и мне невозможно остаться со смертным!?
[130] В море его я спасла! Был он на перевёрнутом киле
От корабля, а корабль его быстрый разбил как скорлупку
Молнией Зевс пополам посреди винно-тёмного моря.
Спутников всех растеряв в бурном море, он сам напоследок,
Бурей подхваченный, здесь был у острова волнами брошен.
[135] Кров я дала и еду, и любовь ему! Также хотела
Дать и бессмертье, чтоб он жил здесь старости дряхлой не зная.
Волю же Зевса никто, щитодержца, нарушить не смеет,
Даже и между богов, не исполнить её невозможно.
Раз он так хочет, – пусть вновь тот плывёт по неверному морю,
[140] По беспокойной воде. Но помочь в этом я уж в силах:
Нет у меня кораблей, нет людей мореходных, способных
С ним безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать я могу лишь совет, как ему беспрепятственно можно
И невредимым назад в землю предков своих возвратиться».

[145] Ей отвечая, сказал благовестник, бог Аргоубийца:
«Тотчас его от себя отошли! Бойся Зевсова гнева!
Тяжко придётся тебе, если гнев на себя навлечёшь ты».

Так повелев, улетел прочь могучий бог Аргоубийца.

Светлая нимфа, приняв волю Зевса от вестника, тут же
[150] Лёгкий направила шаг к Одиссею, отважному духом.

Тот над обрывом сидел, на утёсе, над морем, и плакал,
Слёз не жалея. И жизнь, словно слёзы, за каплею капля,
Прочь утекала в тоске по далёкой и милой отчизне.
К нимфе уж он охладел, но неволей делил с нею ложе
[155] В гроте глубоком ночном; без желанья – с желающей страстно.
Днём же опять уходил на утёс к морю, чтобы поплакать.
Там он все дни проводил, горем душу питая и плачем;
Взгляд, помутневший от слёз, не сводил он с пустынного моря.

Близко к нему подойдя, так сказала прекрасная нимфа:
[160] «О, злополучный, утри свои слёзы! И жизнь горьким плачем
Не сокращай! Я тебя отпустить благосклонно готова.
Вот что: в лесу наруби острой медью деревьев для брёвен;
Брёвна сбей в плот; по краям сбей борта попрочней и повыше,
Чтоб безопасно тебя плот нёс в море капризном и зыбком.
[165] Щедро тебе я вина на дорогу пурпурного выдам,
Щедро дам хлеба, воды, чтобы голод и жажду не знал ты.
Дам я одежды тебе и пошлю тебе ветер попутный,
Чтоб поскорей ты достиг своей милой далёкой отчизны...
Если того так хотят беспредельного неба владыки.
[170] С ними ни разумом мне невозможно тягаться, ни властью».

Так говорила. И страх ощутил Одиссей многостойкий.
Голос возвысив, послал он богине крылатое слово:
«В мыслях, богиня, твоих не отъезд мой, а что-то другое.
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
[175] Бурного моря, когда нелегко и корабль быстроходный
Может его пробежать, даже с ветром попутным от Зевса?
Нет, против воли твоей не вступлю я на плот ненадежный!
Прежде ты дай мне сама, о, богиня, великою клятву,
Что никакого вреда для меня не замыслила нынче».

[180] Так он сказал. И в ответ улыбнулась богиня Калипсо;
Кудри его потрепав, так сказала, назвав его имя:
«Да, ты, и вправду, хитрец! И твой ум осторожен и тонок,
Если ты с речью такой ухитрился ко мне обратиться!
Что же, клянусь я землей плодоносной и небом широким,
[185] Стикса подземной водой! Эта клятва вовек нерушима.
Страшная клятва, её даже боги нарушить боятся.
Ею клянусь, что тебе никакого вреда не замыслю.
Даже напротив, сама о тебе я заботиться буду,
Как о себе, словно я, как и ты, в положение таком же.
[190] Я справедлива в душе, и достоинства разум мой полон,
Сердце в груди у меня не железное, знает и жалость».

Кончив, поспешно пошла впереди вида дивного нимфа.

Следом пошёл Одиссей за богинею, быстро шагая,
Смертный с бессмертной; они оба вскоре вернулись в пещеру.
[195] В кресло он сел, где Гермес до него отдыхал, бог-посланник.
Нимфа еды и питья перед ним на столе разложила,
Всё предлагала ему, чем питаются смертные люди.
Села напротив сама перед равным богам Одиссеем.
Дали амброзии ей тут рабыни со сладким нектаром.
[200] Жадные руки они к пище сытной скорей потянули.

После того как едой и питьём голод свой утолили,
Нимфа Калипсо, краса средь богинь, Одиссею сказала:
«Зевсом рождённый герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!
В милую землю отцов, в дом родной свой отправиться хочешь
[205] Ты поскорее! Ну, что ж... Пусть настигнет тебя эта радость!
Но, если б чувствовал ты своим сердцем, какие невзгоды
Роком тебе суждено испытать до того, как вернёшься
В дом свой, – остался б тогда здесь, со мной, в безмятежном жилище.
Стал бы бессмертным! Но ты жаждешь встречи с любимой супругой,
[210] Днями тоскуешь о ней, и мечтаешь вернуться в отчизну.
Я красотой лица или стройностью стана нисколько
Не уступлю ей! Скажи, разве может равняться с богиней
Смертная по красоте: с неземной красотой – земная?»

Нимфе Калипсо в ответ так сказал Одиссей многоумный:
[215] «Ты не сердись на меня, о богиня могучая! Сам я
Знаю, что рядом с тобой Пенелопа разумная меркнет:
Перед лица красотой твоего, перед стройностью стана.
Старость и смерть – для неё; ты ж ни той, ни другой не подвластна!
Всё же при том я хочу, – и всечасно мечтаю об этом, –
[220] В дом свой вернуться родной, сладкий день возвращения встретить!
Если ж мой плот разобьёт бог какой в винно-тёмной пучине, –
Выдержу я ту напасть закалённую в бедствиях грудью!
Много уж встретил я бед, и немало трудов перенёс я
В битвах с волной и с врагом. Ну так что же? Пусть будет, что будет!»

[225] Так он сказал. Между тем солнце село, и ночь наступила.
В тёмной пещере они удалились в укромное ложе,
И провели там всю ночь, наслаждаясь обоюдно любовью.

Рано рождённая, вновь свет зажгла розопёрстая Эос.
В лёгкий хитон свой и плащ, рано встав, Одиссей облачился.
[230] Нимфа же, встав, облеклась в серебристое длинное платье,
Тонкой работы, почти невесомое. Поясом дивным
Стан обвила золотым. Кудри скрыла под лёгкой накидкой.
После она начала собирать Одиссея в дорогу.
Выбрала медный топор по руке ему, тот, что побольше,
[235] Острый с обеих сторон, и искусный, насаженный плотно
На топорище своё расписное из твердой оливы.
Острую скобель дала для обтёски. Потом Одиссея

К месту тому отвела, где стояли большие деревья.
Много там ольх, тополей чёрных было да сосен до неба;
[240] Всё сухостой, что давно иссушился, для плаванья легкий.
Место ему указав, где стояли большие деревья,
Снова краса средь богинь возвратилась Калипсо в пещеру.

Стал он деревья рубить. Дело спорилось, быстро свершилось.
Двадцать стволов он свалил и очистил их острою медью,
[245] Выскоблил гладко, затем уравнил по шнуру, обтесал их.
Нимфа Калипсо меж тем и бурав принесла Одиссею.
Бревна он все просверлил и сплотил их, как надо, друг с другом;
Брусьями бревна скрепив, вбил он клинья в пазы, укрепил всё.
Плот он просторным таким себе сделал, каким корабельщик,
[250] Опытный в деле своём, строит трюм у торгового судна,
Что и товар, и купцов носит в море широком надёжно.
Скрепى бортов он возвёл часто, как корабельные рёбра.
Палубу сделал, сплотив крепко длинные гладкие доски.
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную рею,
[255] Сделал и руль у кормы, чтобы судно могло развернуться.
Сделал по скрепам бортов загородку из ивовых прутьев,
Чтоб защищала от волн. Взял в запас много брёвен и досок.
Нимфа Калипсо меж тем, свет богинь, принесла парусины,
Чтобы он парус пошил. Парус он изготовил искусно.
[260] Брасы затем привязал он к нему, также фалы и шкоты.
Кончив всё, сдвинул он плот рычагами к священному морю.
Так день четвёртый прошёл, когда он завершил всю работу.

В пятый день в путь собрала Одиссея богиня Калипсо.
В ванне его освежив, облекла благовонной одеждой.
[265] Меха один с тёмным вином положила на плот ему нимфа,
Меха ещё больший – с водой ключевой, а в третьем лежали:
Хлеб, и запасы еды всякой разной в дорогу в достатке.
Кончив, она призвала ему ветер попутный и добрый.
С радостью парус поднял Одиссей боговидный. И ветер
[270] Плод подхватил и понёс. На корме и руля неустанно
Правил могучей рукой Одиссей; сон к нему не спускался.
Глаз не сводил он с Плеяд, с Волопаса, что поздно заходит
В море, и с Арктоса, что Колесницей зовут; этот Арктос
Кружит по небу всегда, вечно смотрит на мощь Ориона,
[275] И лишь один никогда не купается он в Океане.
С ним повелела ему согласовывать нимфа Калипсо
В море ночном верный путь: чтоб всегда находился он слева.

Вот уж семнадцать прошло дней, как вышел он в тёмное море.
На восемнадцатый день показались тенистые горы
[280] Дальней феаков земли, что была уж совсем недалёко.
Чёрным щитом боевым в мглистом море казались те горы.

От эфиопов меж тем возвращался Земли Колебатель.

Издалека он пловца, с гор Солимских заметил уж в море.
И лишь узнал он в пловце Одиссея, – разгневался страшно;
[285] Грозно потряс головой и воскликнул в бушующем гнев:
«О-о-о! Неужели, пока пребывал я в стране эфиопов,
Боги все, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакийской, где должен избегнуть
Рока несчастий своих, что ему предназначены свыше.
[290] Но ещё досыта я накормить его горем успею!»

Тёмные тучи нагнал он большие; огромным трезубцем
Море вокруг возмутил; шторм поднял, понагнав отовсюду
Грозные ветры. И вмиг тучи тёмные море и землю
Скрыли, кругом обложив. Тьма ночная с небес опустилась.
[295] Вместе тут быстрый Зефир, Эвр и Нот, и Борей, порождённый
Светлым Эфиром, волну за волной высоко поднимали.

В ужас пришёл Одиссей, сердце сжалось, колени ослабли.
Страхом объятый, сказал своему он отважному духу:
«Горе несчастному мне! Что ещё, наконец, со мной будет?!
[300] Ох, я боюсь, что вполне говорила правдиво богиня,
Мне предсказав, что ещё встречу бед я немало на море,
Прежде чем в дом свой вернусь. Вот уж всё исполняется нынче.
Страшными тучами Зевс обложил беспредельное небо,
Море он всё возмутил, шторм поднял, всевозможные ветры
[305] Сшиб здесь все вместе! И вот, мне грозит неизбежна гибель...
Трижды... четырежды те из данайцев счастливей, что в Трое
Гибель сыскали в боях, жизнь отдали в угоду Атридов!
Лучше бы было и мне, встретив участь лихую, погибнуть
В день тот, когда защищал бездыханное тело Пелида,
[310] И сотни копий в меня медноострых метали троянцы!
С честью б меня погребли, славу я бы обрёл средь ахейцев.
Ну а теперь мне судьба здесь бесславно и жалко погибнуть...»

Так он сказал. В этот миг вдруг волна исполинская сверху
Рухнула с шумом на плот, закрутила его, как скорлупку.
[315] В море упал Одиссей далеко от плота; упустил он
Руль из ослабшей руки. Посредине легко разломилась
Мачта под силой ветров налетевших и спорящих в буре.
В море далеко снесло и разорванный парус, и рею.
Долго его самого глубина поглощала, не мог он
[320] Вынырнуть, преодолев толщу волн, и мешала одежда,
Что на прощанье ему подарила богиня Калипсо.
Вынырнул он, наконец, из пучины, и воду морскую
Горькую он извергал, что с кудрей ему в рот попадала.
В этой ужасной беде не забыл он, однако, про плот свой.
[325] Споря с волнами, за ним он поплыл и, догнав, ухватился,
Взлез, и на палубе сел посредине, спасаясь от смерти.
Плот то туда, то сюда волны грозные в море швыряли.
Словно осенний Борей по широкой равнине гоняет

Стебли иссохшей травы, те, что прочно сцепились друг с другом, –
[330] Так же гоняли и плот в море бурном свирепые ветры.
То вдруг Борею его Нот бросал, то играл им шумящий
Эвр, то его уступал он Зефиру, чтоб гнать его дальше.

Тут увидала его Кадма дочь дивноногая Ино,
Что Левкотея теперь. А была она некогда смертной.
[335] Но, умерев, приняла честь бессмертия в море глубоком.

И пожалела она Одиссея, носимого бурей.
Вот легкокрылым нырком она с волн пенношумных взлетела
И опустилась на плот его крепкий, и так говорила:
«О злополучный! За что Посейдон на тебя так разгневан
[340] В сердце своём, что тебе посылает он столько несчастий?
Знай, он не сможет тебя погубить, как бы в том ни старался.
Ты же не кажешься мне неразумным, так сделай же вот что:
Скинь всю одежду свою, и свой плот предоставь воле бури;
Сам же ты в волны нырни и, руками работая мощно,
[345] Вплывь доберись до земли феакийн; найдёшь там спасенье.
Вот, дам повязку тебе от богов, ею грудь обмотаешь,
И уж тогда не страшишься ты гибели в море глубоком.
Но, как едва доплывёшь, и земли лишь коснёшься рукою,
Тут же повязку сними и забрось в винно-тёмное море
[350] Дальше от твёрдой земли, сам немедля уйди, отвернувшись!»

Это сказав, подала головную повязку богиня.
После, вспорхнув вновь нырком быстроекрылым, она улетела
В бурное море, и вмиг скрылась в волнах тяжёлых и тёмных.

Думать тут стал Одиссей боговидный и многострадальный.
[355] Скорбью объятый, сказал своему он отважному сердцу:
«Горе! Быть может, опять мне ловушку какую готовит
Кто из бессмертных, подав мне совет, что б я плот свой оставил?
Нет, не исполню того! Видал я, что далёк ещё берег,
Где, как сказала она, отыщу для себя я спасенье.
[360] Лучше я здесь подожду, на плоту. До тех пор, пока цело
Судно моё, и пока ещё крепко шипы держат брёвна,
Я не оставлю его; здесь мне легче и с бурей сражаться.
Ну а когда разобьют волны грозные плот мой, тогда уж
Брошусь я вplashь: ничего уже лучше тогда не придумать».

[365] Но, пока думал он так, согласуясь с рассудком и сердцем,
Страшную вздыбил волну Посейдон, потрясающий землю,
Гороогромную, и эту тяжесть на плот он обрушил!
Будто бы вихрь налетел на сухую солому, что в куче
Мирно лежала, и всю разметал её в стороны разом,
[370] Так разлетелся и плот. Одиссей за бревно ухватился,
Как за коня, что поймал вольным в поле; верхом взгромоздился.
Снял он одежду с себя, что ему подарила Калипсо,

Быстро затем обмотал грудь волшебной повязкой богини,
Вытянув руки, нырнул и поплыл в бушевавшей пучине
[375] Грозно вздымавшихся волн. Видя это, Земли Колебатель
Вновь покачал головой, и сказал, утолив гнев свой грозный:
«Плавай теперь по волнам в бурном море, с лихвой настрадавшись,
К Зевса питомцам пока, к людям смертным ты вплавь не прибудешь!
Будет с тебя! Уж теперь не останешься мной недоволен».

[380] Так он сказал и, бичом погоняя коней длинногривых,
В Эги вернулся к себе, где дворец имел светлый, высокий.

Добрая мысль тут пришла Зевса дочери, мудрой Афине:
Загородила ветрам бушевавшим дорогу богиня,
И повелела из них трём умолкнуть, и только Борею
[385] Дуть приказала; сама волны перед пловцом укрощала,
Чтобы скорей Одиссей благородный к земле феакиян
Веслолюбивых приплыл, избежав Кер зловредных и смерти.

Так он по бурным волнам в море плавал два дня и две ночи,
И неизбежной не раз ему чёрная гибель казалась.

[390] Вот третий день принесла заплетённокудрявая Эос.
Ветер внезапно утих, и в безветрии море простёрлось
Ровною гладью вокруг. Вверх на гребне волны приподнятый,
Зорко вперёд он взглянул и увидел вдруг близкую землю.
Радостью сильной такой, дети рады бывают спасенью
[395] Жизни отца своего от тяжёлой, смертельной болезни,
Что силы в нём отняла по велению злобного бога,
Но волей добрых богов он, на радость им, всё ж исцелился, –
Столь же был рад Одиссей, когда землю и лес он увидел.
Быстро поплыл, чтоб вступить поскорее на твёрдую землю.

[400] Но, лишь приблизился он так, что можно крик мужа услышать, –
Грохот он вдруг услышал волн морских о прибрежные скалы.
Волны кипели, шипя, и свирепо на берег высокий
С моря бросались! Облит берег весь был солёною пеной.
Не было гавани там для защиты судов, ни залива.
[405] Скалы виднелись кругом: лишь утёсы торчали да рифы.

В ужас пришёл Одиссей, сердце сжалось, колени ослабли.
Страхом объятый, сказал своему он отважному духу:
«Горе! Зачем же мне Зевс дал увидеть нежданную землю,
И для неё переплыть невредимым морскую пучину?!
[410] Выход не вижу я здесь из солёного моря седого.
Острые скалы кругом; волны бьются о них, расшибаясь;
И всюду гладкой стеной воздвигается берег высокий.
Море у берега так глубоко, что никак невозможно
Дна там ногами достать, чтобы гибели страшной избегнуть.
[415] Если попробую я зацепиться за скалы, то волны

Мощные схватят меня и швырнут со всей силы о камни.
Зря и пытаться. Тогда мне вдоль берега, может, пуститься
Вплавь: может, где и найду гавань тихую, берег отлогий...
Только боюсь, что б опять я не схвачен был бурей внезапной
[420] И, под мой стон и мольбы, унесён на простор многорыбный;
Или какой злобный бог, чтоб не вызвал бы мне на погибель
Страшных чудовищ морских, Амфитритой питаемых в море...
Знаю, как сильно сердит на меня Посейдон земледержец».

Но, той порой, пока он колебался и в думах, и в сердце,
[425] Мощной волной повлечён был он прямо на острые скалы.
Кости бы он поломал, изодрал бы, несчастный, всё тело,
Если б Афина ему в сердце умную мысль не вложила:
Чтобы, достигнув скалы, что есть сил ухватиться за выступ.
Так, ухватившись, он стал ждать со стоном волны отступленья.
[430] Но, отступая, волна с силой сшибла его вдруг с утёса,
И за собою опять утащила в кипящее море.
Если внезапно на дне осьминога из домика вырвать,
К щупальцам крепким его много камешков мелких пристанет, –
Так же и кожа от рук Одиссея, содравшись, пристала
[435] К грубому камню скалы. Сам ушёл с головой он под воду.

Так бы, судьбе вопреки, и погиб Одиссей в бездне моря,
Если бы в душу его не вложила Афина отваги.
Вынырнув вбок из волны, что стремилась опять к острым скалам,
Не приближаясь, поплыл он вдоль берега, тешась надеждой
[440] Где-нибудь гавань или берег тихий отлогий увидетьъ.

Вот, наконец, он нашёл устье тихой реки светловодной.
И для захода судов и пловцов место было удобным,
Ровным, без острых камней, и была от ветров там защита.

К мощному богу реки Одиссей тут с мольбой обратился:
[445] «Кто бы ты ни был, молю, о могучий владыка, внемли мне!
От Посейдона угрозы я спасаюсь из бурного моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто б ни был он! Вот, я странником бедным,
Многострадальным, к твоим припадаю коленям, к потоку!
[450] Сжался, владыка! Пошли мне защиту, чтоб ей я гордился!»

Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны, и устье реки сделал гладким, и спас Одиссея.
К берегу лишь подошёл, подкосились, ослабнув, колени,
Руки обвисли: совсем его силы похитило море.
[455] Тело распухло его; изо рта и ноздрей вытекало
Много солёной воды. На мели он упал без сознания.
Так, бездыханный почти, он безмолвно лежал, обессилив.

Вдруг он очнулся. И вмиг в сердце дух его сильный воспрянул.

Тут же сорвал он с груди головную повязку богини,
[460] В реку забросил её, что впадала в широкое море.
Быстро теченьем она понеслась по волнам. Прямо в руки
Ино её приняла. Он же вышел тогда из потока,
Скрылся в густом тростнике, лёг на землю, припал к ней, целуя.
Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:
[465] «Горе! Что будет со мной? Что ещё мне назначено роком?!
Если я возле реки проведу ночь тревожную эту, –
Утренний иней, туман, от воды исходящий, холодный,
Вовсе погубят меня, я и так сил последних лишился.
Ну а под утро с реки веет воздух холодный, промозглый.
[470] Если ж на холм поднимусь, и под кровом тенистого леса
Лягу я в чаще кустов, – там и холод ночной не достанет,
И отдохну, и меня исцелит крепкий сон миротворный...
Только боюсь, как бы там мне не стать для зверей лёгкой пищей».

Так думал он, и ему показалось последнее лучшим.
[475] К лесу направился он на открытом холме густо росшем
Недалёко от реки. Выбрал куст двух олив, тех, что крепко
Между собою сплелись – благородная с дикой – ветвями.
Через ветвей густоту не могла проникать сырость ветра,
Не пробивало её и лучами палящего солнца,
[480] Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, разместился под ними.
Мягкое ложе нагрёб он руками из листьев опавших.
Листьев там груда была пребо́льшая, в которой свободно
Двое и трое мужей разместиться могли бы удобно,
[485] Скрывшись от зимних ветров, как бы сильно они ни шумели.
В радость пришёл Одиссей благородный, увидев ту груду;
Сразу забравшись в неё, он зарылся в опавшие листья.
Так же под чёрной золой головню непогасшую прячет
В поле далёком пастух, где жилищ нету рядом, чтоб семя
[490] Пламени в ней сохранить, и огня не искать в другом месте.
Так, сохраняя тепло, Одиссей под листвою укрылся.
Тут на него навела сон Афина живительный, чтобы
Сил он скорее набрал. И уснул он, смежив сладко веки.

Песнь шестая (Дзета).

Встреча Одиссея с царевной Навсикаей

Так отдыхал Одиссей боговидный в беде многостойкий,
Сном и усталостью он был смирён. В это время Афина
В край фиакийских мужей поспешила, в их город прекрасный.
Жили когда-то они на просторной земле Гиперейской,
[5] В близком соседстве с землёй буйных, диких, надменных циклопов,
Что вечно грабили их, так как были сильны и огромны.
Вождь Навсифой, наконец, боговидный увёл фиакийцев
В Схерии край, далеко от людей, что трудом себя кормят.
Город возвёл там: дома – для людей, для богов – воздвиг храмы;

[10] Город стеною обвёл, и поля поделил всем, как должно.
Только давно уж судьба увела его в царство Аида.
Нынче там царь Алкиной правил мудростью, данной от бога.

В дом к нему сразу вошла светлоокая дева Афина,
Сердцем заботясь: скорей в дом родной возвратить Одиссея.
[15] В дивную спальню она поднялась, где спала сном покойным
Дева, что видом своим, стройным станом – богине подобна.
То Навсикая была, дочь царя Алкиноя, героя.
Там же прислужницы две, что Харитам подобные юным,
Спали с обеих сторон возле запертой двери блестящей.
[20] К ложу царевны тогда лёгким ветром она подлетела,
И над её головой тихо встала богиня Афина,
Дочери образ приняв морехода Диманта, с которой
Сверстницей дева была и которую очень любила.

В виде таком спящей ей так богиня Афина сказала:
[25] «О, Навсикая, видать, родила тебя мать беззаботной!
Ты не печёшься совсем об одеждах нарядных и светлых!
Скоро день свадьбы твоей! Ты должна быть одета нарядно,
Так же и те, кто тебя поведёт к жениху молодому.
Доброе имя себе мы опрятной одеждой заслужим;
[30] Рады и мать, и отец за детей, что прилично одеты.
Ну же, вставай! И с утра на реку все стирать собирайтесь!
Я вместе с вами пойду, помогу, чтоб скорей сделать дело.
В девах недолго уже незамужней тебе оставаться:
Сватают много тебя женихов из родов знаменитых
[35] В крае феаков, где ты и сама из знатнейшего рода.
Встань же с зарёй и проси у отца многославного, чтобы
Мулов с повозкой велел снарядить. И сложи на повозку
Платья нарядные все, пояса, покрывала, повязки...
Да и самой чтоб пешком не идти: то тебе неприлично, –
[40] Путь к водоемам от стен городских утомителен, долог».

Так ей сказав, унеслась светлоокая дева Афина
Вновь на Олимп. Говорят, там дома богов вечны, как боги,
Их не тревожат ветра, не страшны им холодные ливни,
Или метели зимой белоснежной. Лазурное небо
[45] Вечно безоблачно там, и сиянием вечным блистает.
Там для блаженных богов в наслаждениях дни все проходят.
Вот и Афина туда унеслась, дав совет свой царевне.

Эос тогда поднялась златотронная, и Навсикаю
В дивной сорочке легко пробудила. Та, сну удивляясь,
[50] Быстро пошла, чтоб скорей ей увидеть родителей милых,
И рассказать им свой сон. Мать с отцом она в зале застала.
Перед огнём очага мать сидела, с ней рядом – служанки;
Пряли все, пряжа была цвета «пурпур морской». А в дверях же
Встретился ей и отец: на совет он собрался старейшин;

[55] Был он туда приглашён от знатнейших родов феакийских.

Близко к отцу подойдя, Навсикая с улыбкой сказала:

«Милый отец мой, вели дать повозку мне крепкую, чтобы
В ней я всё наше бельё уместила, которое нужно
Выстирать; да и сама на реку я поеду в повозке.

[60] Ведь и тебе надлежит заседать на высоких советах
Наших почетных вельмож только в чистой опрятной одежде.
Также ты пять сыновей воспитал и поднял в своём доме.

Двое женаты уже. Трое ж младших – цветут, созревают,
На хороводы ходить хотят в чистой опрятной одежде.

[65] Так что приходится мне и об этом заботиться тоже».

Так говорила она. О желанной же свадьбе ей было

Стыдно отцу помянуть. Он всё понял и сам, и сказал ей:

«Дочка, ни в мулах тебе и ни в чём нет отказа. Ступай же;
Я прикажу, что б рабы заложили большую повозку

[70] Быстроколёсную; и чтобы кузов в ней был для поклажи».

Так он сказал, и рабам дал приказ, и они исполняли:

Вышли немедля во двор, снарядили повозку под мулов;

Мулов в неё запрягли крепконогих, легко чтоб катили.

Из бельевой нанесла Навсикая нарядной одежды,

[75] В кузов сложила её на шлифованной гладко повозке.

Мать много всякой еды принесла ей в плетёной корзине,

Мех, что из шкуры козы, с благородным вином подала ей,

Сладостей разных дала. И царевна взошла на повозку.

Мать ей дала и сосуд золотой с благовонным елеем,

[80] После купания чтоб натереться и ей, и служанкам.

Вот Навсикая взяла гибкий бич и блестящие вожжи,

Мулов стегнула бичом и, зацокав, они побежали

Рысью проворной, везя и царевну к реке, и одежду.

Вслед за повозкой, спеша, и служанки пошли молодые.

[85] Скоро достигли они устья дивной реки многоводной.

Были устроены там водоемы: вода в них обильно

Светлым потоком текла и нечистое всё отмывала.

Прибыли к месту когда, распрягли утомившихся мулов,

И отпустили пастись у реки: на зеленых просторах

[90] Сочно-медвяной травой насыщаться. Потом уж с повозки

Сняли они всё бельё, побросали на дно водоёма,

Долго топтали его, соревнуясь в проворстве друг с другом.

Так грязь с белья удалив, его мыли, потом полоскали,

И ряд за рядом затем на камнях на сухих расстилали

[95] Там, где морская волна камни берега вымыла чисто.

Кончив работу, они искупались, натёрлись елеем,

Сели на мягкой траве у реки, веселясь, за обед свой.

Ну а бельё всё сушить предоставили яркому солнцу.

Вот, наладившись едой, со служанками вместе царица
[100] В мяч захотела играть. Сняли все головные уборы;
И Навсикая пошла впереди белорукая с песней.
Ловлей в горах веселясь, стрелоносная так Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Ериманф обегает,
Радуюсь вепрям лесным и пугливым, но быстрым оленям;
[105] Следом и нимфы полей, вечноюные дочери Зевса,
Всюду за нею спешат. Лета с радостью смотрит на это:
Дочь её выше их всех и прекрасней; легко между ними, –
Сколь ни прекрасны и те, – распознать в ней богиню Олимпа.
Так же своей красотой всех подруг затмевала царица.

[110] Стали они, наконец, собираться домой: сытных мулов
Снова к ярму подвели; всю собрали сухую одежду.
Новая мысль тут пришла светлоокой богине Афине:
Как Одиссея поднять ото сна, чтоб царицу увидел,
И чтобы в город она проводила его, к феакийцам.
[115] Вот мяч упругий в броске послала Навсикая служанке,
Но промахнулась, и мяч улетел прямо в омут глубокий.
Громко все вскрикнули. Тут Одиссей боговидный проснулся.

Быстро поднявшись, он стал размышлять и рассудком, и сердцем:
«Горе! В какую страну, и к какому народу попал я?
[120] К диким, лихим племенам, что надменны и правды не знают?
К богобоязненным ли, что приветливо гостеприимны?
Кажется, девичий мне громкий голос послышался близко.
Нимфы ли это шалят здесь, владелицы гор крутоглавых,
Влажных, душистых лугов и истоков речных потаённых?
[125] Или же я, наконец, человеческий голос услышал?
Впрочем, пойду-ка я сам, посмотрю, и тогда уж узнаю».

Это сказав, из кустов Одиссей несравненный поднялся.
Вот мускулистой рукой наломал он себе свежих веток,
Густо покрытых листвою, и прикрыл части тела срамные.
[130] Вышел он. Так же в горах обитающий лев, гордый силой,
В ветер выходит, и дождь на охоту, сверкая глазами,
И на быков и овец он бросается в поле, или же
Ловит оленей в лесу, или голод его заставляет
Малых ягнят похищать или даже врываться в жилища.
[135] Так Одиссей из кустов вышел голым почти. Принуждён был
В виде таком подойти к девам он, заплетённым красиво.
Был он ужасен: покрыт весь морскою засохшею тиной.
В страхе все бросились прочь, вверх по берегу, спрятаться в скалах.

Но Алкиноева дочь не покинула места: ей в сердце
[140] Смелость Афина влила, уничтожив в нём робость и трепет.
Встала она перед ним. Одиссей же не знал, что приличней:

Пасть и колени обнять юной деве прекрасной с мольбою;
Иль, на почтительном встав расстоянии, молить, чтобы дева,
Сжалась, одежду дала и сказала, какой рядом город?
[145] Так размышляя, решил, наконец, он, что будет приличней
Ласково, кротко молить, на почтительном встав расстоянии,
Чтоб не обидеть её, вдруг припав к её стройным коленям.
Тут обратился он к ней с мягким, кротким, рассчитанным словом:

«Ноги твои, госпожа, обнимаю, богиня ты, нет ли!
[150] Если же ты из богинь, из владычиц огромного неба,
То с Артемидой тебя, с меткой дочерью Зевса великой
Только и можно сравнить станом стройным и ликом прекрасным...
Если ж из смертных ты жён, чья судьба на земле жить до срока,
То, значит, трижды блажен твой отец, также мать твоя – трижды,
[155] Также – и братья твои! Ведь с каким наслаждением и счастьем
Видят они каждый день как ты дома цветёшь перед ними,
И восхищённо глядят, как, смеясь, ты идёшь в хороводах.
Будет блаженнее всех тот из смертных, который сумеет
В дом тебя свой привести, превзойдя конкурентов дарами.
[160] Я никогда не встречал никого среди смертных, кто был бы
Столь же прекрасен, как ты. Я смотрю на тебя с изумленьем.
В Делосе только лишь, там, где алтарь Аполлона воздвигнут,
Видел такую же я молодую и стройную пальму.
В храме я случаем был, в окружении спутников верных,
[165] Лишь по пути. Путь же тот мне принёс много бед и лишений.
Долго стоял я тогда, изумляясь, ту пальму увидев,
Так как такой красоты я ещё не встречал у деревьев.
Так изумляюсь тебе! Но, любуясь тобой, не решаюсь
Тронуть колени твои. Несказанной бедой я постигнут.
[170] Только вчера удалось, на двадцатый лишь день, избежать мне
Моря бушующих волн: долго так мною бури играли,
Гнали меня день и ночь от Огигии острова. Здесь же
Брошен я был, наконец, богом к новых несчастьям: не скоро,
Верно, конец им придёт; много мне их назначили боги.
[175] Сжалась, прошу, госпожа! Испытавший немало несчастий,
К первой с молитвой к тебе обращаюсь. Никто не знаком мне
В этом далёком краю, в вашем городе. Ты укажи мне
В город дорогу, и дай мне прикрыть обнаженное тело
Хоть лоскутом ткани той, чем укрыто бельё на повозке.
[180] Пусть тебе боги дадут всё, чего ты сама пожелаешь,
Мужа по сердцу и дом изобильный, в семье мир и счастье!
Нет ничего на земле лучше дома, счастливого в браке,
Где бы и муж, и жена жили только в любви и согласье,
Радость питая друзей, а у недругов зависть питая,
[185] Счастье питая своё, обретая тем славу в народе».

Тут Навсикая ему белорукая так отвечала:
«Странник! Я вижу, что ты и разумен, и родом из знати.
Зевс же по воле своей шлёт с Олимпа нам счастье и горе,

Сколько захочет кому, не смотря на то: знатен ли род наш.
[190] То, что послал он тебе, должен вытерпеть ты со смиреньем.
Если достигнуть ты смог края нашего, хочешь в наш город,
То ни в одежде у нас и ни в чём ты не встретишь отказа,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.